

**РОССИЙСКИЙ
ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАЦИОНАЛИЗМА**

2013 / 1

Российский журнал исследований национализма

№ 1, 2013

Основан в 2012 году

Учредитель:
Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета;
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран

Редакционная коллегия
к.и.н. *И.Б. Горшенева*
доц. *М. В. Курчанов* (отв. ред. ВГУ)
к.и.н., доц. *А. В. Погорельский*
к.и.н. *И. В. Форот*

Editorial Board
Dr. Irina B. Gorsheniova
Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret
Dr. Alexander V. Pogorelsky

Адрес редакции
394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
корпус № 8, ауд. 105

Все материалы, поступающие в Редакцию,
проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия настоящего издания
доступна на официальном сайте Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета
<http://www.ir.vsu.ru>

ISSN 2221-0792

Содержание

Статьи

- Е. Поляков*, История национально-государственного строительства в Дагестане 4
В. Кузнецова, «Национальный фронт» во Франции 13

Ирландский национализм: история и культура

- В. Дуров*, «Ирландский вопрос» в оценках германских властей и общества после Ирландского восстания 1916 года 21
М. Кирчанов, Ирландский культурный национализм 1960 – 1970-х гг. (некоторые проблемы истории «Белфастской группы») 35

Нации и национализм: эссе, публицистика, комментарии

- А. Клещева*, Политика двойных стандартов: к проблеме национального и политического в формировании образа России на Западе 46
А. Борщева, Специфика формирования института президентства и политической идентичности в Украине в 1991 – 1996 гг. 49
А. Геворгян, Ислам, арийская идея и иранский национализм 58

Национализм в СССР

- Советизация русской идентичности в 1920 – 1930-е годы: проблемы и направления 60
Между национальной памятью и советской лояльностью: латышская история в Советском Союзе 71

Актуальное источниковедение (эрзянский национализм)

- Доктрина эрзянского народа 90
Декларация об официальном названии эрзянского народа 90
«Эрзянский язык в опасности» 91
Воззвание к эрзянскому народу 95
Доклад Председателя оргкомитета по проведению 3-о Инекужо Терюшань Сергуь 96

СТАТЬИ

Евгений ПОЛЯКОВ

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ДАГЕСТАНЕ

В данной статье изучен процесс национально-государственного строительства в Дагестане. Особое внимание уделено влиянию русской колонизации региона. Также автор рассматривает динамику национально-этнических отношений в конце XX века.

Ключевые слова: Дагестан, этничность, аварцы, турки, русские.

This paper studied the process of nation-building in Dagestan. Special attention is paid to the influence of the Russian colonization of the region. The author also examines the dynamics of national-ethnic relations in the end of twentieth century.

Key words: Dagestan, ethnicity, Avars, Turks, Russians

У статті вивчений процес національно-державного будівництва в Дагестані. Особлива увага надана впливу російської колонізації регіону. Автор розглядає динаміку національно-етнічних відносин в кінці XX століття.

Ключові слова: Дагестан, етнічність, аварці, турки, росіяни

Начало проникновения русских в Дагестан сопровождалось столкновениями 1566 г., 1589-1590 гг., 1591 г., и 1604-1605 гг., что, увы, наблюдалось не раз и в последующем. Военное проникновение в Дагестан происходило на фоне борьбы России, Турции и Персии и для него русские воеводы успешно использовали противоречия между дагестанскими владетелями. С другой стороны, нельзя не отметить, что русские войска не раз становились на защиту дагестанских феодалов в их борьбе с Ираном и своими подданными¹. Большая часть XVII и начало XVIII века отмечены мирным взаимодействием русских и дагестанцев, выразившемся в укреплении культурных связей и росте экономического сотрудничества². Эта ситуация продолжалась до Каспийского похода Петра I. Отметим также, что «вхождение» Дагестана в состав России в этот период не состоялось, и даже после похода ситуация почти не изменилась. Коренной перелом произошел вследствие Кавказской войны.

Первым документально оформил свое подданство России шамхал Тарковский в 1786 г. В это же время к кавказскому командованию обращались аврский, казикумухский, табасаранский и др. владетели.

Начало XIX века ознаменовалось для России сложным внешнеполитическим положением: практически одновременно шел ряд войн с Францией, Турцией, Персией, Швецией. На этом фоне императорский двор хотел отказаться от дальнейшей экспансии на Кавказе, в частности, в Дагестане. Однако настойчивые обращения ряда дагестанских владетелей (уцмия Кайтага, хана Аварии, правителя Дербента и др.) подвигли Александра I выдвинуть идею о формировании «Федеративного союза» на Северо-Восточном Кавказе под эгидой России³.

Осенью 1802 года в Георгиевск прибыли посланники дагестанских владетелей и, несмотря на разногласия между ними и представителем царя ген. Кноррингом, 26 декабря был подписан договор о «союзе». Показателен тот факт, что, хотя Георгиевский договор стал важным этапом в процессе присоединения Северо-Восточного Кавказа к России, интеграция отдельных его частей шла различными темпами и на особенных условиях. Так, присоединение Аварии включало в себя два этапа. В октябре 1802 г. Ахмед-хан-Султан обратился с просьбой о принятии аварского ханства в российское подданство. Александр I отправил в Хунзах соответствующую грамоту, в начале 1803 г. Ахмед-хан принес присягу на верность царю, а после подписания договора в Хунзахе большинство аварских союзов сельских общин изъявили также желание вступить в подданство России⁴.

Необходимо указать, что дагестанские правители (по крайней мере, многие из них) понимали «подданство российское» как *личную присягу* царю и/или его представителю. Значит, при смене наместника на Кавказе или смерти правителя его наследник «освобождался» от присяги. Например, после гибели П.Д. Цицианова Ших-Али-хан дербентский, Сурхай-хан казикумухский и Мустафа-хан ширванский отложились от России и вступили в переговоры с шахом Ирана, с которым в тот момент Россия вела войну. По мнению же царской администрации, такое поведение было предательством и изменой. Однако подобные эксцессы не изменили общего тренда: наряду с антирусскими выступлениями Ших-Али-хана и Сурхай-хана, усилилось движение за вступление в русское подданство сельских общин Нагорного Дагестана⁵.

Позднее, в феврале 1811 г. Кюринское ханство и Казикумух были приняты в подданство, а в июле 1812 г. делегация «акушинского и всего даргинского народа» с просьбой о покровительстве обратилась к ген. Хатунцеву. По существу, присоединение Дагестана к России завершилось с принятием в подданство Казикумуха и Акуша-Дарго. Однако вскоре ситуация изменилась. Недовольное изменнической политикой некоторых дагестанских феодалов, царское правительство

«меняет пряник на кнут» - наместником Кавказа в 1816 г. назначается А.П. Ермолов. Он начинает обширное строительство укреплений и крепостей в Чечне и Дагестане, а с 1818 г. переходит к активным военным операциям.

Еще недавний союзник, Ахмед-хан-Султан аварский и его брат после донесения шамхала Тарковского были разбиты и бежали в горы. На следующий год Ермолов предпринимает поход в Акуша-Дарго, правитель которого был заменен более лояльным. Тогда же происходит разделение Аварского ханства на две части, правители обеих получают назначение из Петербурга. Характерно, что феодальные владельцы Дагестана принимаются в генеральских и полковничьих званиях на русскую службу, т.е. царская администрация пыталась сделать их не столько вассалами (что следует из буквы и духа прежних договоров), сколько чиновниками и военнослужащими⁶.

Изменения во второй половине XVIII – начале XIX века заметно усилила начавшаяся еще в предыдущие эпохи казачья и крестьянская колонизация Северного Кавказа. Существовавшие в низовьях р. Терек старинные казачьи городки (Шадрин, Гладков, Червленая и др.) численно увеличились и заметно благоустроивались. В то же время начался перевод на передний край ряда станиц. Росту населения способствовало переселение государственных крестьян, а также провинившихся и отслуживших свой срок службы солдат⁷.

Колонизация Северо-Восточного Кавказа русским населением стала проходить достаточно интенсивно, когда здесь возникли дворянские имения и для работы на них стали переселять помещичьих крестьян. С началом Кавказской войны и движения Шамиля эта тенденция ослабела. В 1860 г. царская администрация *упразднила* практически все феодальные владения и союзы общин на территории Дагестана и образовала Дагестанскую область, находившуюся под управлением военного генерал-губернатора. Внутренняя самостоятельность инонациональных сообществ и внешние административные ограничения указывают на то, что в государственную систему России было заложено не подавление, а именно политический компромисс⁸.

В конце XIX – начале XX вв. стала проводиться политика насильственной русификации инородцев, ставшая ответом царского правительства на польское восстание 1863-1864 гг., и охватившая в основном западные территории империи. Уже к концу XIX века стало очевидно, что при первом же потрясении, которое переживет государство, национальная элита, пробудившаяся к национальному самосознанию, начнет бороться против централизации и русского национализма⁹. До присоединения к России, как было продемонстрировано выше,

многие народы Дагестана жили отдельными вольными обществами. Близкие по языку и культуре (особенно бытовой), эти общества не представляли собой какого-либо интегрированного целого. Они не составляли политического единства (в отличие от ханств) и очень часто не имели ни единого самоназвания, ни единого самосознания. В 1860 г. левый фланг бывшей Кавказской линии был преобразован в Терскую область в составе шести отдельных округов – Кабардинского, Владикавказского, Чеченского, Кумыкского, Ичкерийского и Аргунского. Но вскоре, уже в 1862 году Терская область была разбита на три военных отдела (Западный, Средний, Восточный) и восемь округов, три из которых – Ичкеринский, Кумыкский и Нагорный – располагались в Дагестане¹⁰.

Это было первой попыткой ввести этноадминистративный принцип на Северном Кавказе. Тем самым, корни этнонационализма в наши дни следует искать в политике императорской России, с которой связано этнополитическое оформление ряда местных народов. Поэтому кажется упрощенным общепринятое рассуждение о том, что именно большевики снабдили этничность территориальностью на Северном Кавказе – последние лишь видоизменили ее¹¹. Таким образом, предпосылки для этнотерриториальных наций стали складываться на Северном Кавказе в условиях введенного царской администрацией деления на горские округа, совпадавшие с этническими ареалами. Однако политический статус наций местные народы получили лишь после Октябрьской революции.

Вначале советская власть вообще не ставила перед собой задачу создавать на Северном Кавказе какие-либо автономии по этническому принципу. Напротив, советскому руководству казалось более разумным иметь в регионе одну крупную административную единицу, находящуюся под полным контролем Центра. Однако первая попытка создать единую Терскую советскую республику весной 1918 г. оказалась неудачной – она просуществовала чуть более полугода и, будучи весьма эфемерным образованием, была распущена в феврале 1919 г. после прихода Деникина¹².

В мае 1917 года Дагестан вошел в Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, включавший также Чечню, Ингушетию, Кабарду, Балкарию, Карачай, Черкессию, Северную Осетию и ногайские земли¹³. В этом акте можно увидеть возвращение к традициям XIV – XVIII вв. В мае 1918 г. лидеры Союза объединенных горцев провозгласили независимость Северного Кавказа и сформировали в Тифлисе Горское правительство. В сентябре 1918 г. подразделения

Горского правительства при содействии турецких войск заняли основную часть Дагестана и восточную часть Чечни.

Тем временем, события в Москве сказывались и на положении Кавказа. Большевистский переворот создал новую политическую ситуацию и заставил многих кавказских политиков задуматься о создании своих собственных независимых республик. Уже в начале ноября во Владикавказе возникло двоевластие – СОГСКД и казачий Войсковой круг образовали два параллельных правительства Терской области. В ходе сложных переговоров ноября-декабря было сформировано объединенное так называемое Терско-Дагестанское правительство во главе с М.А. Карауловым¹⁴. Однако, уже к осени 1918 г. реальная власть правительства Горской республики не выходила за пределы окраин Темир-Хан-Шуры (современный Буйнакск).

Еще в начале 1918 г. большевики провели I съезд народов Терека (г. Моздок, 25 – 31 января), которые потом происходили регулярно в течение года. В марте была провозглашена Терская республика, которая включала в себя территории бывшей Терской области, и сформирован ее Совнарком. Позднее, 5 – 7 июля 1918 г., на I съезде советов Северного Кавказа, была провозглашена Северо-Кавказская Советская республика, со столицей в Пятигорске, включившая в себя Терскую республику, Кубань и Ставрополье. Она просуществовала до декабря 1918 и была разгромлена деникинцами¹⁵.

После поражения деникинской армии Дагестан был занят частями Красной Армии. 20 января 1921 г. из Дагестанской области и Хасавюртовского округа Терской области были образованы Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР. Последующие десятилетия отмечены относительно стабильностью в плане административного устройства. Единственным серьезным испытанием можно назвать ситуацию, вызванную депортацией чеченцев. Тогда, в 1944 г., был упразднен Ауховский район, большая часть которого отошла вновь созданному Новолакскому району и созданы ряд районов (например, Ногайский) из числа территорий, полученных от Ставропольского края и Грозненской области (существовавшей на территории Чечни в период депортации 1944 – 1956 годы). Дальнейшие административно-территориальные преобразования в Дагестане не выходили за рамки муниципальных образований.

Следует отметить, что национально-государственное строительство Дагестана в целом повторяло этапы, характерные для всего Северного Кавказа в XX веке. Этим этапам можно выделить пять. Первый этап (1917 – 1922 гг.) связан с образованием основных территориально-политических единиц, которые с некоторыми видоизменениями

сохранились и в настоящее время. Второй этап (1922 – 1929 гг.) связан с формированием на основе региона крупного административно-территориального образования – единого экономического района Северокавказского края (правда, за исключением Дагестана) с центром в Ростова-на-Дону. Третий этап (1929 – 1941 гг.) был связан с обратной тенденцией: разделением края на более мелкие единицы – края и области, с преимущественно русским населением, и автономные области и республики. Четвертый этап (1941 – 1958 гг.) охватывает период, в который совершались многочисленные, но краткосрочные по историческим меркам переделы территорий, что было вызвано сталинскими депортациями. Наконец, пятый этап (1958 – 1990-е гг.) связан с различными попытками восстановления прав репрессированных народов и возрождением их автономий¹⁶. Поскольку пятый этап пришелся на период становления современной российской государственности, рассмотрим его подробнее.

13 мая 1991 г. сессия III Съезда народных депутатов ДАССР приняла постановление «О государственном статусе Дагестанской АССР», согласно которому республика была провозглашена Дагестанской Советской Социалистической Республикой – Республикой Дагестан (ДССР-РД) в составе РСФСР (соответствующие изменения в Конституцию были внесены только в октябре 1993 г.). В августе 1992 г. Верховный Совет Республики и в ноябре 1992 г. Съезд народов Дагестана одобрили основные положения новой Конституции Республики Дагестан. Однако проведение конституционной реформы было отложено почти на год. 22 октября 1993 г. Верховный Совет РД принял постановление о реформировании системы органов республиканской власти. 12 декабря население Дагестана на втором референдуме вновь высказалось против введения поста президента (68,1% против 30,8% – за). Обратим внимание: за полтора года в общественном сознании жителей РД произошло снижения категоричности в вопросе о введении поста президента: с 83% до 68,1%, т.е. почти на 15 пунктов.

26-27 июля 1994 г. состоялось заседание Конституционного Собрания РД, которое утвердило новую Конституцию РД. Высшим органом исполнительной власти в Дагестане стал Государственный Совет РД – коллегиальный орган власти, который обеспечивает взаимодействие органов государственной власти. В октябре 1994 г. Верховный Совет РД принял «Закон о выборах Народного Собрания Республики Дагестан», в соответствии с которым ЦИК республики мог осуществлять квотирование мест в парламенте и создавать специальные избирательные округа.

Начало XXI века можно выделить в шестой этап, для которого характерен возврат к идее двадцатых годов, которая нашла воплощение в виде Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, а не краев (зато теперь с включением в них Дагестана). Если «спрямить» поиски центральной власти и выделить стержневое содержание этих административных преобразований, то легко заметить колебание между двумя «полюсами»: формирование региона как целостной административной единицы или как системы рядоположенных административных единиц¹⁷.

В конце XX века в Дагестане возникли многочисленные этнические движения («Тенглик», «Садвал» и др.), выступавшие за предоставление отдельным дагестанским народам автономии внутри республики, т.е. за «федерализацию». Республиканским властям удалось, опираясь на более многочисленные горские народы, традиционно доминирующие в дагестанской политической системе, наладить диалог с оппозиционными силами и удержать стабильность политической ситуации.

Сложившееся еще с 20-х гг. «прерывистое равновесие» между крупнейшими этносами Дагестана (аварцами, даргинцами и кумыками), выразившееся в том, что представитель каждого из них занимал одну из ключевых должностей (секретарь обкома КПСС, председатель Совмина и председатель Верховного совета), удалось сохранить и в период демократических реформ. Более того, это «этническое разделение властей» более-менее удалось институализировать с помощью Конституции Дагестана и ряда республиканских законов¹⁸. Однако сами дагестанские исследователи обращают внимание на то, что этническая характеристика при формировании политической элиты – только внешняя форма, в которую облакаются объединения, выстроенные по экономическим интересам, доступ в которые оказывается крайне затрудненным¹⁹.

Если свести к общему знаменателю данные по численности основных этнических групп Дагестана, то мы увидим, что разные народы имели различную скорость прироста своей численности. Неуклонно увеличивалась численность (а в сравнении с другими народами - и доля) аварцев, даргинцев, кумыков и лезгин, т.е. четырех крупнейших народов Дагестана (на них приходится около 60% населения в начале века и более 70 сейчас). Весьма противоречивую динамику, с перемежающимися взлетами и падениями, показывают рутульцы, таты и армяне. Особняком стоят русские, чья абсолютная и относительная численность стабильно сокращаются вот уже почти полвека. Несмотря на миграцию горского населения на «плоскость» и «чересполосное» за-

селение равнин, в Дагестане в целом сохраняется порайонный этнический баланс (с некоторым перекосом в пользу аварцев как самого многочисленного этноса): из 51 муниципалитета (городов и сельских районов) аварцы составляют большинство в 16, даргинцы – в 5, кумыки и лезгины – в 4, лакцы и табасараны – в 2, рутульцы, ногайцы и азербайджанцы – в 1 каждый. Остальные этнические группы расселены дисперсно или слишком немногочисленны, чтобы даже в местах компактного проживания составить большинство населения²⁰.

Исходя из этих данных, мы можем говорить о трех важных тенденциях: коренизации дагестанского населения и победе в межэтнической конкуренции «большой четверки» (аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин); победе «гор над равниной», ибо равнинно-городские этносы (русские, армяне, ногайцы, таты и др.) теперь составляют явное меньшинство населения Дагестана; «превосходстве» кавказского мира над тюркским – из 4 наиболее многочисленных народов тюркский только один (кумыки), наиболее распространенный язык (не считая русского) – аварский, и даже наличие других тюрков – азербайджанцев и ногайцев – не исправляет положение²¹.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Историкографический анализ и рассмотрение проблем развития национальностей на территории Дагестана показывает, что насколько сложным является этнический состав народов, населяющих республику, настолько сложной и запутанной оказывается её история, неотделимая от истории соседних территорий. Хозяйственно-территориальное единство находится в противоречии с административно-политическим прошлым, трудностями развития народов, особенно тех, численность которых не достигает десятка тысяч человек, по сравнению с очень крупными этносами в несколько сотен тысяч человек (аварцами, кумыками и др.).

Характерно, что процесс инкорпроации Дагестана и России шел в течение нескольких веков, носил попеременно мирно-насильственный характер и был окончательно завершён не ранее начала XX века. Воспользовавшись революционными событиями 1917 г. и Гражданской войны, Дагестан сначала вошёл в Союз объединённых горцев (май 1917 г.), а лидеры Союза провозгласили в мае 1918 г. независимость Северного Кавказа, в чем можно усмотреть традиционное стремление к созданию некоей единой государственности с исламской основой. Тем не менее, полноценная государственность народов Северного Кавказа была обретена только вместе и в составе России. Не могут быть быстро и равномерно разрешены проблемы, связанные с языковой пестротой населения Дагестана, с неравномерностью размещения

населения по территории, с высокой плотностью населения в одних местах и малой плотностью – в других. До сих пор сказываются неурегулированные последствия депортаций и принудительных миграций.

¹ Гаджиев М.Г. *История Дагестана с древнейших времен до наших дней* / М.Г. Гаджиев. – М.: 2004. – С.383-396.

² Умаханов С.-М.К. *Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке* / С.-М.К. Умаханов. – Махачкала, 1986. – С. 141.

³ Гаджиев В.Г. *Роль России в истории Дагестана* / В.Г. Гаджиев. – М., 1965. – С.175.

⁴ См. подробнее: Гаджиев М.Г. *Указ. соч.* – С.454 – 456.

⁵ Гаджиев В.Г. *Указ. соч.* – С.195.

⁶ Гаджиев М.Г. *Указ. соч.* – С.475 – 478.

⁷ Заседателева Л.Б. *Терские казаки* / Л.Б. Заседателева. – М., 1974. – С. 203 – 207.

⁸ Матвеева В.В. *Национальный вопрос и государственно-политические реальности России* / В.В. Матвеева // *Российская историческая политология* / В.В. Матвеева / Отв. ред. С.А. Кислицын. – Ростов н/Д., 1998. – С.551.

⁹ Исаев Б.А. Баранов Н.А. *Политические отношения и политические процессы в современной России : учебное пособие* / Б.А. Исаев, Н.А. Баранов. – СПб., 2008. – С.379.

¹⁰ Ибрагимов З.Х. *Чеченская история: политика, экономика, культура второй половины XIX века* / З.Х. Ибрагимов. – М., 2002. – С.47.

¹¹ См. подробнее: Цуциев А.А. *Межэтнические конфликты в Северокавказском регионе* / А.А. Цуциев. – Владикавказ, 1994. – С.113 – 128.

¹² *Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917 – 1941 гг.)* / ред. Н.Ф. Бугай. – Майкоп, 1995. – С.44 – 58.

¹³ Музаев Т. М. *Дагестан: Власть. Народы. Конфликты* / Т.М. Музаев. – М., 1999. – С.18.

¹⁴ Шницфельдман В.А. *Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке* / В.А. Шницфельдман. – М., 2006. – С. 45.

¹⁵ Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. *Очерки истории карачаево-балкарцев* / Р.С. Тебуев, Р.Т. Хатуев. – М. – Ставрополь, 2002. – С. 136.

¹⁶ Сикевич З.В. *Социология и психология национальных отношений* / З.В. Сикевич. – СПб, 1999. – С.63.

¹⁷ Денисова Г.С., Уланов В.П. *Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса* / Г.С. Денисова, В.П. Уланов. – РнД, 2003. – С. 128.

¹⁸ Там же. – С.141 – 143.

¹⁹ Атаев М.М., Гаджиев Н.М. *Этнополитические процессы в постсоветском Дагестане* / М.М. Атаев, Н.М. Гаджиев. – Махачкала, 1997. – С. 33.

²⁰ Данные взяты с официального сайта правительства Республики Дагестан // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.government-rd.ru/dagestan/karta/regions>

²¹ См. данные из: *Всесоюзная перепись населения 1926г.* – М.: ЦСУ СССР, 1928-1929. – Т.5. – С.342-346; РГАЭ РФ (бывш. ЦГАНХ СССР), ф.1562, оп.336, ед.хр.966-1001 (*Разработочная таблица ф. 15А*); РГАЭ РФ (бывш. ЦГАНХ СССР), ф.1562, оп.336, ед.хр. 1566а-1566д (*таблицы 3,4*); РГАЭ РФ (бывш. ЦГАНХ СССР), ф.1562, оп. 336, ед.хр. 3998 – 4185 (*таблица 7с*); РГАЭ РФ (бывш. ЦГАНХ СССР), ф.1562, оп.336, ед.хр.6174-6238 (*таблица 9с*); *Рабочий архив Госкомстата России. Таблица 9с; Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года.* – М.: ИИЦ «Статистика России», 2005, т.4, кн.1. – 486 с.

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ» ВО ФРАНЦИИ

Автор анализирует основные направления и проблемы активности «Национального фронта» во Франции. Правая радикальная партия «Национальный фронт», основанная в начале 1970-х годов, принадлежит к числу лидеров европейских правых партий и движений национальной, консервативной ориентации. Успехи французских националистов на выборах 2012 года стали результатом активности партии и следствием роста антимиграционных настроений и идей во французском обществе.

Ключевые слова: Франция, французский национализм, «Национальный фронт», проблемы миграции, рост национализма

The author analyses the main directions and problems of «National front» activity in France. Right radical party «National front», founded at the beginning of the 1970s, belongs to the number of leaders of European right parties and political movements of national and conservative orientation. The successes of French nationalists in the 2012 elections became the result of party activity and anti-migratory ideas rise in French society.

Keywords: France, French nationalism, «National front», problems of migration, rise of nationalism

Автор аналізує основні напрями і проблеми активності «Національного фронту» у Франції. Права радикальна партія «Національний фронт», заснована на початку 1970-х років, належить до числа лідерів європейських правих партій і рухів національної, консервативної орієнтації. Успіхи французьких націоналістів на виборах 2012 року стали результатом активності партії і слідством зростання антимиграційних настроїв і ідей у французькому суспільстві.

Ключові слова: Франція, французький націоналізм, «Національний фронт», проблеми міграції, зростання націоналізму

Французская праворадикальная партия «Национальный Фронт» одной из первых в Западной Европе достигла высот в освоении политического пространства, получив поддержку беспрецедентного для партии националистической идеологии количества сторонников и заняв авторитетные позиции на международной арене. На протяжении длительного периода своей деятельности «Национальный Фронт» сумел пройти путь от малозаметной организации до партии, которая может оказывать влияние на общественное мнение.

Официально годом основания партии считается 1972 год¹. Изначально эта партия заняла позиции крайне правого крыла. Во Франции

политическая борьба в годы начала деятельности «Национального Фронта» была сильно идеологизирована. Партии четко разграничивались принадлежностью к правому или левому лагерю. «Национальный Фронт» позиционировал себя как противовес широко представленному в то время левому движению социалистов и коммунистов.

Место «Национального Фронта» на оси политического спектра было близко к тому, которое занимали до войны профашистские партии. В связи с этим, долгое время основателя партии Жан-Мари Ле Пена и его соратников обвиняли в фашизме и расизме. «Национальный Фронт» объясняет такие категоричные обвинения тем, что правящие партии хотят нивелировать образ «Национального Фронта» и выставить их в качестве маргиналов от политики.

Прежде всего, самый острый вопрос об идее превосходства одной нации над другой не находит поддержки у лепеновцев. Расистская интерпретация понятия термина «нация» совершенно неприемлема для «Национального Фронта». В программе партии подчеркивается равенство всех существующих наций в мире, их неотъемлемое право на самозащиту и развитие. Но для каждого националиста естественно защищать именно свою нацию, народ, который принадлежит его родине. С этой точки зрения, крайне правые не выступают против других национальностей, а только борются за благополучие французов в своей стране.

О принципиальной разнице между фашизмом и идеологией «Национального Фронта» говорят несколько исторических фактов. Фашизм возник в среде экономически ослабленного состояния Германии после Первой мировой войны. Характерно то, что немцы после поражения ощущали чувство обиды за уязвленное достоинство собственной нации. Также основой для развития фашизма служил политический строй Германии - тоталитаризм, не дававший возможности противопоставить фашистским партиям альтернативы.

Франция же не сталкивалась с такими глубокими проблемами. Тенденции глобализации, открытости, демократичности привели состояние страны к развитию взаимосвязанности с ЕС, росту миграционных потоков, повышению мобильности населения. Такие условия делают невозможным создание тоталитарного государства с фашистской идеологией. Соответственно, в современных реалиях международные акторы не приемлют деятельности каких бы то ни было фашистских партий.

«Национальный Фронт» не является фашистской партией, как утверждают оппоненты этой партии, по двум выше описанным причинам: 1) их идеология разнится с фашистской; 2) история борьбы поли-

тических сил исключает возможность существования фашистской партии в одной из стран демократической Европы.

Представление о «Национальном Фронте» как о фашистской партии возникло во времена основания еще тогда не партии, а политического движения. Инициаторами создания «Национального Фронта» были сторонники национал-революционной идеологии, близкой к откровенно фашистской. Именно Жан-Мари Ле Пен, став лидером сформировавшейся партии, направил политический курс в сторону демократизации, участия в парламентских выборах, ухода от экстремистских веяний.

Идеологически программа партии базировалась на новом понимании, переосмыслении недостатков с одной стороны марксизма с узким классовым подходом и с другой либерализма, защищающего интересы монополий. «Национальный Фронт» предложил свою альтернативу четко разделенным идеологически коммунизму и капитализму, борьба которых велась в том числе и в годы, когда Ле Пен начал свою независимую партийную деятельность.

Первая программа «Национального Фронта», изобиловавшая пропагандой экстремистских лозунгов, ассоциировавшихся с фашистскими из-за своей связи с понятиями главенства нации, были плохо встречены французами. Программа опиралась на проблемы угрозы национальной идентичности коренных французов. В ней предлагались меры по прекращению притока плохо ассимилировавшихся иммигрантов из стран Африки и Азии. В 70-е гг. иммиграционные вопросы не беспокоили граждан Франции, поэтому популярности у националистических идей не было.

В 1974 г. Жан-Мари Ле Пен впервые участвовал в выборах президента Франции, результатом поддержки населения лидера «национального Фронта» были всего 0,74% голосов.² Такая цифра демонстрировала бесперспективность курса партии - исключительно националистических лозунгов в духе экстремистской пропаганды. Выход для «Национального Фронта» был в создании образа партии более умеренной, способной играть по правилам классической политической борьбы среди партий.

Низкий результат поддержки заставил лепеновцев обратить внимание на моменты, отдаленно связанные с категориями национализма. Так, «Национальный Фронт» расширил присутствие социально-экономической стороны в базовом документе партии. В программе 1978 г. лепеновцы предлагали максимально ограничить роль государства в экономике. Также они выступили за свободу предпринимательства и отмену социальных гарантий для иммигрантов.³

В основе своей, эти идеи сформировали опору, с которой и по сей день выступает «Национальный Фронт». Они были включены в национал-популистскую доктрину партии, отличавшуюся идеологически от других течений.

Однако, понимание собственного политического пути и четкое представление уникальности политических установок не вызвало всплеска поддержки электората. В 1981 году президентская гонка обошлась без Жана-Мари Ле Пена.⁴ Казалось бы, такой неуспех мог привести к полной ликвидации партии, но история политической партийной борьбы во Франции превратила лепеновцев в самых мощных представителей правых во всей Западной Европе.

Подъем ультраправых политических сил во Франции обязан разочарованию населения в левом правительстве. Многие граждане Франции в 80-х гг. столкнулись с серьезными социальными и экономическими проблемами, утратили веру в способность традиционных партий и движений исправить сложившуюся ситуацию. Альтернативу существовавшим и действующим политическим силам французы видели в правых партиях.

Большую роль в усилении правого движения в Западной Европе сыграл постепенный отход от левой идеологии не только во Франции, но и во всем мире. Значимость коммунизма и социализма изживает себя, угасает, и, соответственно, формируется тенденция выхода на первый план праворадикальных лозунгов. «Национальный Фронт» - один из самых видных игроков на этом поле.

Еще одним фактором принятия и поддержки ультраправых партий, и в большей степени «Национального Фронта» во Франции является неизбежное возрастание взаимозависимости в новой строящейся Европе – Европе как фундаменте ЕС и других интеграционных блоков. В связи с переходом развитых стран к постиндустриальному обществу в 80-х гг., мир становится все более открытым, глобальным как экономически и финансово, так и политически. Международные отношения эволюционируют из межгосударственных в наднациональные. Такие процессы положительно влияют на истеблишмент, высокообразованные слои населения, на тех, кто способен адаптироваться к широко развернутой мобильности человеческих ресурсов. Те же, кто находится внизу социальной пирамиды, образуя большинство, не справляются с трансформацией общества. Они склонны поддерживать «Национальный Фронт», обещающий стабильность и прежний порядок, возврат к более закрытому традиционному обществу.

В 80-е гг. возникла проблема огромного потока иммигрантов из стран третьего мира в Западную Европу. Если раньше эта проблема

рассматривалась исключительно в экономическом контексте, то теперь назревал вопрос национальной безопасности. Помимо безработицы и преступности, которую приносили некоторые массы иммигрантов в жизнь французского общества, назревала угроза потери национальной идентичности французов. Апеллирование к понятиям национальности, национальной идентичности, всегда было спецификой «Национального Фронта». Предлагаемая стратегия решения проблемы привлекали внимание электората к лепеновцам.

Коренные французы, уставшие от социально-экономических проблем, прислушались к идеям партии и проголосовали за «Национальный Фронт» на муниципальных выборах 1983 года. Также успех сопутствовал партии и в 1984 г. на вторых выборах в Европарламент 11% голосов. С громким лозунгом «За национальную Европу» лепеновцы добились 10 депутатских мест из 81, закрепленных за Францией.⁵

Середина 80-х гг. была переломным моментом в истории деятельности партии «Национальный Фронт». Во-первых, начальные успехи партии закрепились за ней надолго, и впоследствии, избирательный рейтинг лепеновцев никогда уже не опускался ниже рубежа 10%. Во-вторых, «Национальный Фронт» объявил себя уникальной партией, альтернативной и левым и правым партиям, существовавшим во Франции. В-третьих, лепеновцы взяли на вооружение революционную пропаганду прямой демократии, при которой вся власть перешла бы народу.

Популярность «Национального Фронта» приобретала все больший размах. В своем политическом дискурсе лепеновцы рассматривали темы, которые раньше оставались в стороне. Так, помимо антииммигрантской риторики и отстаивания французской национальной идентичности, стали частыми рассуждения о закате Европы, о потере европейской идентичности. В особое внимание ставились прогнозы о засилии Европы чуждых коренным европейцам социокультурных этнических групп.

Именно в конце 80-х – начале 90-х гг. эксплуатация подобных тем нашла свое самое сильное подтверждение, поскольку в это время интеграционные процессы вышли на новый высокий уровень развития. Стремление к выработке государствами-членами ЕС единого внешнеполитического курса, согласование ими своих национальных политик в области социальной сферы, культуры, здравоохранения, окружающей среды и т.д., а также наметившаяся тенденция к расширению Сообщества, фактически разделили европейцев на два враждеб-

ных лагеря – сторонников и противников строительства единой Европы.

Праворадикальная партия «Национальный Фронт» была главной политической опорой тех, кто выступал за дезинтеграцию Европы и за возврат классических государств с национальными суверенитетами. Как противодействующая сила, «Национальный Фронт» в 90-е гг. трансформировался в антиглобалистскую партию, ставившую себе цель притормозить процессы, ведущие к наднациональной, глобальной организации мира. Крайне правый «Национальный Фронт» представлял собой естественную оппозицию ультралиберальным партиям и движениям Западной Европы.

Наряду с заметным усилением праворадикального «Национального Фронта», существенно снизилась активность неорганизованных правых экстремистов. Фактически, организованная праворадикальная партия нивелировала возможность различных преступных акций, мотивируемых праворадикальными установками, но, по сути, не относящихся к политике.

«Национальный Фронт» прошел процесс модернизации от группировки, колеблющейся к дроблению, до серьезного игрока на политической сцене Франции и доминантного актора праворадикального течения во всей Западной Европе. Правильная организация и подача себя в качестве националистической партии, ищущей баланс, стабильность и гармонию и способной на компромисс, в целом, делают «Национальный Фронт» перспективным для места правящей партии в парламенте Франции. Действительно, многие французы видят положительные моменты в избирательной программе «Национального Фронта» и доверяют ему свои голоса.

Программа «Национального Фронта» базируется на трех основных понятиях – нация, семья, иммиграция.

В понимании лепеновцев, нация – не просто народ, это то, что большинство может охарактеризовать как родину: территория, люди, живущие на ней, совокупность их общих ценностей, историческое прошлое, культурная составляющая. В трактовке «Национального Фронта» национализм больше связан с патриотизмом, нежели с фашизмом. Национализм – это естественное право каждой нации сохранять идеи и традиции своего народа. Крайне правые считают, что каждый человек, как представитель своей нации «является звеном в цепи предков и потомков; вместе с наследием он получает национальность и гражданство».⁶

Для «Национального Фронта» место отдельного человека в жизни и истории определяется через принадлежность к какой-то конкретной

нации. Человек может проецировать свое существование во временной плоскости – как представитель своего поколения и в иерархической структуре – как член общества. И в первой, и во второй категории, человек, по мнению праворадикалов, несет ответственность перед своей нацией. Поколения передают материальные и духовные достояния нации, а общество обеспечивает преемственность сложившегося порядка.

Острой проблемой в обсуждении темы семьи для праворадикалов является сложная демографическая ситуация во Франции. В свойственной им призме националистических настроений, лепеновцы беспокоятся о низкой рождаемости в семьях коренных французов. Неоднозначная демографическая ситуация, при которой в семьях иммигрантов естественный прирост населения значительно больше, чем в семьях коренных граждан Франции, представляется угрозой французской национальной идентичности.

Практические предложения, выносимые «Национальным Фронтом» в предвыборную программу, касающиеся решения демографического национального кризиса, прежде всего, заключаются в ограничении и дальнейшем запрете аборт. Также, лепеновцы поощряют распространение правильного понимания института семьи. Негативное влияние, разрушающее семью как ячейку общества, крайне правые видят в чрезмерном либерализме, пропаганде индивидуализма и как следствие эгоизма, толерантности к сексуальным меньшинствам, ценностям противопоставляющим семье карьеру и деньги. Праворадикалы в корне своей идеологии провозглашают единственной нормой сохранение прежних устоев, возврат к традициям. В то же время, в их программе есть пункт о возможности усыновления или удочерения ребенка до рождения, т.е. женщины, не способные к деторождению смогут по закону усыновить детей женщин, не желающих их заводить; а женщины, имеющие нежелательную беременность и не имеющие право по закону прервать ее, смогут передать родившегося ребенка в другую семью, также оставив себе возможность расторгнуть это соглашение и оставить ребенка себе⁷.

Помимо детей уже или еще не родившихся, важную роль в институте семьи, «Национальный Фронт» отводит старшему поколению. Государство, по мнению лепеновцев, должно обеспечивать социальные гарантии пенсионерам.

Для поддержания хорошей социальной среды в обществе в целом, с точки зрения праворадикалов, должен быть закреплен порядок правильного отношения к иммигрантам. Для Франции большую угрозу представляют плохо интегрирующиеся массы иностранцев, объеди-

ненных в этнические или религиозные группы, которые создают своеобразные анклавы в крупных французских городах.

Вопрос об иммигрантах – самое болезненное место в социально-культурном организме французского общества. Крайне правые критикуют иммиграционную политику государства, и даже то, что на обсуждение этой темы условно лежит табу, вызывает их бурную реакцию. Те из политиков, кто решается открыто выявлять минусы массовой иммиграции, обвиняются в фашизме или, по меньшей мере, в посягательстве на права человека.

Во Франции успешно встречается программа праворадикальной партии «Национальный Фронт», которой всегда была присуща антииммигрантская риторика. В последние годы проблема достигла большого размаха, поэтому избиратели обращают внимание на категоричные позиции этой партии по иммигрантскому вопросу.

Лидер «Национального Фронта» Марин Ле Пен заняла третье место в первом туре президентской гонки во Франции 2012 года с результатом 17,90 %⁸. Эта цифра показывает уровень доверия населения праворадикальной националистической идеологии. Для тех, кто голосовал за Ле Пен приемлемы националистические установки, отказ от толерантности, протекционистские патриотические настроения.

¹ Новоженова И.С. Национальный фронт во Франции / И.С. Новоженова // Актуальные проблемы Европы. Правый радикализм в современной Европе: Сб. науч. трудов / ред.-сост. С.В. Погорельская. – М., 2004. – С. 99 – 124.

² [Ле Пен, Жан-Мари]. – (<http://lenta.ru/lib/14179027/>)

³ Васильева Н. Национальный фронт вчера и сегодня. / Н.Ю. Васильева. – (<http://annuaire-fr.narod.ru/statji/VasilievaN-2003.html>)

⁴ [Ле Пен, Жан-Мари]. – (<http://lenta.ru/lib/14179027/>)

⁵ [Ле Пен, Жан-Мари]. – (<http://lenta.ru/lib/14179027/>)

⁶ Цит. по: Новоженова И.С. Национальный фронт во Франции. – С. 99 – 124.

⁷ [Famille: accueillir la vie. Le constat. La famille, cible de toutes les attaques]. – (<http://www.frontnational.com>)

⁸ [Les résultats des élections, 2012]. – (http://www.interieur.gouv.fr/sections/a_votre_service/resultats-elections/PR2012/FE.html)

«ИРЛАНДСКИЙ ВОПРОС» В ОЦЕНКАХ ГЕРМАНСКИХ ВЛАСТЕЙ И ОБЩЕСТВА ПОСЛЕ ИРЛАНДСКОГО ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА

В статье анализируется внешняя политика Германской империи в отношении к ирландскому национализму в период после Ирландского восстания и до окончания Первой мировой войны.

Ключевые слова: Германская империя, Первая мировая война, Германо-ирландское общество, ирландский национализм.

The article is devoted to the attitude of the German Empire to Irish nationalism from Easter Rising to the end of the First World War.

Key words: German Empire, First World War, German-Irish Community, Irish nationalism.

У статті аналізується зовнішня політика Німецької імперії відносно ірландського націоналізму в період після Ірландського повстання і до закінчення Першої світової війни.

Ключові слова: Німецька імперія, Перша світова війна, Германо-ірландське товариство, ірландський націоналізм.

В ирландском национальном движении в первое десятилетие XX века четко прослеживается два направления. Представители одного, реформаторского, с началом Первой мировой войны считали, что при активном участии на стороне Британской империи можно будет рассчитывать на существенные изменения в статусе Ирландии в составе империи. Адепты другой (сепаратисты) – видели в занятости Лондона конфликтом на континенте потенциальную возможность принести независимость острову силой оружия. Среди последних были приверженцы сотрудничества с Германской империей, которая рассматривалась не только как потенциальный военный союзник, но и будущий гарант независимого статуса Ирландии¹.

В апреле 1916 г. в Дублине в ходе восстания была провозглашена и почти неделю существовала Ирландская республика. В прокламации к народу упоминалось о наличии союзников в Европе (Германия) и в США. Германия накануне восстания направила для повстанцев судно с оружием, а в самой Германской империи предпринималась попытка создания национального воинского формирования из военнопленных ирландцев. Однако эти усилия не возымели положительного результата.

Ирландское восстание 1916 года дало толчок полной трансформации политической ситуации на острове. Отличительной чертой политического процесса было образование новых групп и организаций радикальной направленности и оживление старых. При отсутствии центрального руководства полувоенная национальная организация Ирландские волонтеры (далее – ИВ) вскоре возобновили занятия на местах. Но наибольшую популярность и известность получила Шинн Фейн, в судьбе которой 1917 год стал переломным.

Между тем ситуация в Ирландии вызвала интерес во многих странах. С особым вниманием наблюдали за развитием событий на Зеленом острове в США. Здесь собирались петиции к президенту В. Вильсону, чтобы он вмешался в процесс над Р. Кейзментом¹ и добился его помилования². Особый интерес стали испытывать к Ирландии и её национальному движению Германские военные и дипломаты. Уже в мае 1916 г. германский посол в США граф Бернштофф в докладной записке в Берлин высказывал надежду на продолжение сотрудничества с ирландцами в случае повторного восстания³. Через месяц он получил от руководителя Политического отдела Генштаба капитана Р. Надольного «зеленый свет» на подобную деятельность. «В принципе [мы] готовы на дальнейшую поддержку ирландцев, – рапортовал Надольный. – Прошу заблаговременную информацию о месте, времени и объеме ожидаемой помощи»⁴.

Необходимо заметить, что некоторые избежавшие ареста волонтеры были готовы к организации нового восстания. Так, офицер дублинского отделения волонтеров Лайам Кларк вступил в контакт с Дж. Дивоем, лидером ирландской националистской организации Клан на Гэл в США. Установив связь с ИВ, Революционная директория (организация ирландский иммигрантов в США) подготовила меморандум, который был передан Берншторффу. В меморандуме подчеркивалось, что ирландцы рассчитывали на крупную поддержку. «Оружие сможет достигнуть Ирландии только при экспедиции со значительными военными силами, прикрывающими место высадки»⁵. Однако отметим, положение о десанте немецких войск Верховное командование армии Германской империи (далее – ОХЛ) не одобрило, все остальное не вызвало возражений. В самом же восстании Германское командование видело два преимущества. Во-первых, часть британских сил будет скована на острове и, во-вторых, оно воспрепятствует набору новых

¹ Роджер Кейзмент (1864-1916) - бывший британский консул, защитник аборигенов Конго и Южной Америки; ирландский эмиссар в Берлине, прибыл в Ирландию на германской подводной лодке незадолго до восстания, и был арестован британским констеблем. За государственную измену приговорен к смертной казни

ирландских рекрутов. Кроме того, это могло также доставить беспокойство союзникам Англии⁶.

После трехмесячного молчания Берлина в конце декабря 1916 г. докладная записка от приемника Надольного капитана фон Хюльзена была телеграфирована в Вашингтон. Хюльзен сообщал о готовности Берлина направить 30 тыс. винтовок, 10 пулеметов и 6 млн. патронов на двух вооруженных торговых судах в Голуэй и Трали. Их прибытие следовало ожидать между 21 и 26 февраля 1917 г. В случае какой-либо заминки операция переносилась на 21-26 марта. В виду отсутствия немецкого десанта, прикрытие разгрузки должны были осуществить ИВ собственными силами. В Германии начали предпринимать конкретные шаги по подготовке к намеченной операции⁷. Однако предложения немцев не подходили ирландцам. Они ставили более масштабные задачи. 16 января 1917 г. из Вашингтона была получена телеграмма следующего содержания: «Операция отклонена, так как бессмысленна без десанта достаточных войск прикрытия»⁸. Подобные меры не входили в планы Берлина, и в феврале 1916 г. в Германии были остановлены все приготовления к операции⁹.

Осенью 1917 г. представители Шинн Фейна вышли на контакт с германским консульством в Женеве. Они хотели прозондировать почву в отношении немецкой помощи. В актах Внешнеполитического ведомства Германии упоминается имя курьера-шинфейнера. Им был некий Райан. 15 октября из Берна была получена телеграмма, в которой извещалось, что «в Ирландии готовится всеобщее восстание против Англии. Дата – примерно начало ноября». Ирландцы просили известить их, «сможет ли Германия поддержать восстание и провести 7 ноября операцию на западном побережье»¹⁰.

Сложно установить было ли руководство Шинн Фейн и ИВ (А. Гриффитс, Э. Де Валера и М. Коллинз) в курсе о подобных планах, или это была инициатива отдельной радикальной группировки. Относительно планируемого какой-то группой шинфейнеров восстания известно одно: в организационный комитет входили О'Коннел, Мак Суини, Мак Донал и Райвез¹¹. Немцы осторожно отнеслись к их предложениям. Опасаясь британской провокации, они провели расследование по идентификации названных лиц. Результаты их удовлетворили. В германском МИД были настроены положительно в отношении ирландской просьбы¹². Параллельно в Адмиралтейство отправили запрос на предмет возможности оказания поддержки ирландцам. Однако его реакция была скептической.

Таким образом, предложения шинфейнеров, несмотря на высказываемые ими прогерманские симпатии, не встретили успеха у гер-

манского командования. Возможно, что на такой позиции отразился и короткий срок, оставшийся до предполагаемого восстания. Необходимые приготовления было бы очень тяжело осуществить.

Итак, в последние годы войны в среде германских дипломатов и военных внимание к ирландским делам значительно возросло в сравнении с первым периодом ведения войны. Они дважды были готовы оказать поддержку в случае восстания в Ирландии. Однако с течением времени и более глубоким изучением внутривойсковых событий и расстановки сил на острове сторонников активных действий в пользу ирландских сепаратистов становится все меньше.

Каково же было отношение к ирландским событиям у германской общественности? Как они освещались в прессе? Немецкий исследователь Геральд Ло на основе ежедневных германских газет показал, что Пасхальное восстание вызвало всплеск сообщений в германской прессе. Ирландские события в годы Первой мировой войны не получали такого освещения ни до Апрельского восстания 1916 года, ни после¹³. Первое время публиковались статьи, содержащие неверные сведения, в которых, например, преувеличивалась сила повстанцев или руководство восстанием ошибочно приписывалось ирландскому лидеру рабочего движения Дж. Ларкину. Постепенно информация корректировалась¹⁴. Заметим, что это было характерно не только для немецкой прессы, но и для других европейских изданий¹⁵.

Не удивительно, что часто Дублинское восстание использовалось в пропагандистских целях. Более того, внимание к проирландской пропаганде несколько возросло. Так, *«Берлинер Тагеблатт»* писала, что Германия вправе принять на себя кровавые события в Ирландии и продолжить их во Фландрии¹⁶. Военный эксперт данной газеты Морат видел в событиях в Дублине определенные козыри для Германии. Он считал, что восстание окажет негативное воздействие на боевой дух ирландских солдат на Западном фронте¹⁷. Бывший имперский канцлер фон Бюлов критически оценивал события в Ирландии, отмечая, что английское либеральное правительство кроваво расправилось с движением Шинн Фейн, применяя многочисленные экзекуции¹⁸. Часто политика Англии в Ирландии комментировалась на контрасте с пропагандой Антанты о германских жестокостях в Бельгии и о защите «малых наций»¹⁹.

После Ирландского восстания количество литературы об Ирландии также увеличилось. Появились книги и статьи, посвященные анализу ирландских событий. Среди авторов можно назвать Т. Шимана, К. и Э. Мейер, Ю. Покорного, Дж. Чаттертон-Хилла, В. Дибелиуса.

В. Дибелиус посвятил одну из своих работ анализу причин восстания в Дублине²⁰. Им проделано хорошее политологическое исследование. Ошибочно, как и большинство его современников, большую роль в восстании он приписывает Шинн Фейн. К другим влиятельным политическим силам правильно относит ИВ и Гэльскую лигу, организацию за возрождение национальной культуры и языка. Раскол волонтеров в сентябре 1914 г. Дибелиус называл «часом рождения Пасхального восстания». Пребывание Кейзмента в Германии, по оценке автора, выполняло одну из задач Шинн Фейн – создание своего консульства в «дружественной заграничной державе»²¹. И хотя он отмечал, что восстание было организовано политическим меньшинством, последствия Пасхальных событий прогнозировались выгодными для политики Германии. «Презирающие смерть ирландские идеалисты, которые без пулемётов и артиллерии пустились в драку на второй день Пасхи против Англии, не могли разломать мировую империю, но они ощутимо ослабили её военное положение, и, судя из всего прошлого опыта ирландской истории, можно с уверенностью ожидать, что их мужество создаст только новых врагов Англии»²².

О военно-политическом значении Ирландии для Германии говорил Э. Мейер. Благодаря беспокойной обстановке на острове Англия была вынуждена содержать здесь крупные оккупационные силы²³. Несколько статей и две книги о значении Ирландии и ее истории были написаны Дж. Чаттертоном-Хиллом. Их содержание пропитано резкой англофобией. Делался акцент на просветительской роли ирландских монахов в средние века и на геополитическом значении острова. Чаттертон-Хилл подчеркивал провал вербовки в английскую армию и писал о проблеме всеобщей воинской повинности в Ирландии²⁴.

После процесса над Кейзментом и его казни были опубликованы несколько работ в той или иной мере касающиеся его биографии и политической деятельности. Это, прежде всего, публикация в 1916 г. «Собрания сочинений» Кейзмента, переведенного на немецкий язык²⁵. Сюда же можно отнести воспоминания Покорного и Ф. Розенфельда. Перевод на немецкий язык брошюры о процессе над Кейзментом с предисловием Т. Шимана только в 1916 г. выдержал четыре издания²⁶. Ф. Розенфельд высоко оценивал значение Кейзмента в судьбе двух стран: «Его [Кейзмента] смерть сделала ирландский и немецкий народы братскими народами. Общий герой и мученик объединяет нас»²⁷. Интересным является тот факт, что германская пресса подразумевала причастность Германской империи к восстанию, правда форма ее участия осталось непроясненной.

Другим было отношение у социалистов. Критически о «союзе ирландских синдикалистов с реакционным национализмом и “германским империализмом”» отзывался рупор СДПГ «*Форвертс*»²⁸.

Один из лидеров левого крыла Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Карл Либкнехт в майском письме 1916 г. из тюрьмы выступал против военной политики Германии по созданию военных формирований из военнопленных, превращавшей их в предателей своей страны. Существенным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что он знал о существовании секретного германо-ирландского соглашения 1914 г. и располагал его копией²⁹. Левое крыло СДПГ занимало антивоенную позицию. Одним из их требований был отказ от тайной дипломатии. Видимо, поэтому вопрос соглашения между Кейзментом и помощником статс-секретаря германского МИД А. Циммерманом вызывал у них такое внимание. Хотя остается неясным, как они получили данную информацию. Осенью 1917 г. в швейцарской социал-демократической газете «*Фольксрехт*» появилась серия скандальных заметок с публикацией некоторых документов, относящихся к деятельности Кейзмента в Германии. Здесь излагались основные положения соглашения, приводилось письмо Генштаба об отправке в Цоссен пулеметов для обучения ирландцев, а также некоторые другие документы. «*Фримэнз Джорнел*» так прокомментировал заметки «*Фольксрехта*»: «Это обоснованная критика политической морали высших властей, и с этими секретными документами добавляет противнику едкие ремарки относительно глубины [его] бесчестия»³⁰. 27 ноября 1917 г. социал-демократ Фляйсснер ссылаясь в дрезденском парламенте на договор, что вызвало интерес у ОХЛ. На их запрос из МИД была выслана копия документа³¹.

Скандал с «германским следом» в Шинн Фейн, который разгорелся весной-летом 1918 г., стал вторым событием за время Первой мировой войны, которое вновь привлекло внимание германской прессы к Ирландии. Он был основан на том, что Дублинский замок, администрация британских властей на острове, сфабриковал против набравших силу Шинн Фейн обвинения в подготовке восстания в Ирландии во взаимодействиями с германскими агентами. В ночь с 17 на 18 мая 1918 г. 73 известных шинфейнера были арестованы. Среди них А. Гриффитс и Э. Де Валера. Применительно к освещению событий в германской прессе, укажем, что здесь повторялись прежде разработанные приемы пропаганды³².

В Германии внимательно наблюдали за разразившимся в Ирландии скандалом. В Политическом отделе и Адмиралтействе обсуждался вопрос о посылке агентов на остров для вступления в контакт с

шинфейнерами и организацией там саботажей. Однако ОХЛ было против подобных затей. 9 июня 1918 г. МИД получил от начальника штаба Э. Людендорфа телеграмму. В ней он высказывался не только против отправки агентов с целью проведения саботажа в Ирландии, но также против любых попыток установления связи с ирландскими националистами. Данное решение делалось по политическим соображениям. «Мы должны уклониться, - говорил Э. Людендорф, - от дальнейших шагов с нашей стороны, которые компрометируют ирландское движение перед нейтралами, Америкой и особенно Англией»³³. Таким образом, немецкое руководство стремилось избежать ненужного для Германии нагнетания отношений с Антантой перед приближающимися мирными переговорами.

Значительным моментом в германской пропаганде являлось расширение своего влияния на нейтральные страны. Институциональное выражение проирландская пропаганда получила в виде двух организаций. Это, во-первых, Центральное управление международной службы и, во-вторых, Германо-ирландское общество (далее – ГИО). Однако их деятельность была тесным образом взаимосвязана. Данный вопрос был основательно изучен в работе Х.-Д. Клуге³⁴. В нашем исследовании мы обозначим лишь общее направление их деятельности.

В отличие от ГИО Центральное управление международной службы было ведомственной структурой. Его основной задачей служило распространение пропагандистской литературы за рубежом. С этой целью произведения переводились на иностранные языки (шведский, датский, голландский и др.), издавались в нейтральных странах и там продавались. В монографии Клуге показано, что в отношении проирландских публикаций деятельность Центрального управления международной службы была мало продуктивной. Из десяти проектов реализацию получили только три, но и их результаты нельзя назвать удовлетворительными. Неудачи происходили в силу разных обстоятельств. Так, одно издание было испорчено из-за огромного количества опечаток в тексте. Другой проект художественного романа об Ирландии провалился, так как писательница отказалась работать над книгой в политическом русле. Кроме того, издания, которые все же были направлены в нейтральные страны, имели малый интерес у публики. Единственным регулярным, но, правда, с небольшим тиражом, стало поступление в Швейцарию и Голландию в последние годы войны журнала ГИО «*Иршиэ Блэттер*»³⁵.

ГИО в последние годы войны представляло собой главный центр сосредоточения проирландской деятельности в Германии. В исследовании К. Вольф ошибочно указывается о существовании прогерман-

ского общества еще в 1915 г. Исследовательница не критично переняла упоминание в дневнике Кейзмента о «проирландском обществе», которое было готово выделить 50 тыс. марок для поддержки дела Ирландии. Издатель дневника Чарльз Карри в примечании относит эту группу к будущему ГИО. Немецкая исследовательница К. Вольф пишет, что «как ГИО оно официально было основано в Берлине 3 февраля 1917 г»³⁶. Ошибочно Вольф пишет о роспуске ГИО в 1918 г.³⁷ Клуге в своем исследовании показал, что общество существовало, по меньшей мере, до начала 1922 г. Он также предположил о существовании до 1917 г. некой группы друзей по интересам. К ней как раз и относится сообщение Кейзмента³⁸.

Идея организации общества обсуждалась между Чаттертоном-Хиллом, Э. Мейером и Матиасом Эрцбергером, лидером фракции партии Центра в Рейхстаге в конце 1916 г.³⁹ В конце декабря 1916 г. уже был составлен список членов президиума и правления будущего общества. В него были включены представители основных политических течений Германии. Так, в «президиум» включили депутатов Рейхстага Эрцбергера, фон Хейдебрандта и фон Рихтхофена. Различной была также религиозная приверженность членов ГИО. Президиум состоял из одного католика и двух протестантов, правление соответственно из 13 и 12⁴⁰. Учреждение ГИО состоялось 3 февраля 1917 г.⁴¹ Цель организации была записана во ст. 2 Устава ГИО. Приведем ее полностью. «Целью общества является содействие любым отношениям между Германией и Ирландией. Союз будет содействовать любой деятельности направленной на осуществление этой цели и самостоятельно предпринимать меры, которые будут повышать обоюдное взаимопонимание между народами и послужат дальнейшему развитию взаимных интересов. Общество не должно вести никакой деятельности ориентированной на получение прибыли»⁴². Таким образом, это была общественная добровольная организация, в которую мог вступить любой гражданин Германии, Австро-Венгрии или Британии, и, конечно же, любой ирландец⁴³.

Первому генеральному собранию членов ГИО, прошедшему 19 февраля 1917 г., были направлены приветственные телеграммы от генерала Людендорфа и статс-секретаря А. Циммермана с пожеланиями организации успехов⁴⁴.

С образованием ГИО в феврале 1917 г. был изменен состав президиума общества. Место Хейдебрандта занял председатель фракции Германской консервативной партии в Рейхстаге граф Вестарп. В правление общества вошли Гаффни, К. и Э. Мейер, Ю. Покорный, Т. Шиман, депутаты Рейхстага и ландтагов, коммерсанты, банкиры и

ученые⁴⁵. Чаттертон-Хилл стал Генеральным секретарем ГИО и оставался на этом посту до своей «отставки» в феврале 1919 г. Его сменила Агата Буллит-Грабиш, а К. Мейер вошел в президиум общества. К декабрю 1917 г. численность общества составляла около 300 человек, а в феврале 1920 г. ГИО насчитывало 348 членов. У ГИО были отделения в Гамбурге и в Рейн-Вестфалии⁴⁶.

Общество издавало ежемесячный журнал «*Ирише Блэттер*». Редактором журнала был Дж. Чаттертон-Хилл. Правда с апреля 1918 г. из-за финансовых трудностей, вызванных конфликтом с М. Эрцбергером, он стал выходить реже. Тираж сократился с 3 тыс. экземпляров до 1 тыс., а в октябре вышел последний номер. Ирландскую пропаганду в Германии продолжил «*Ирише Корреспондент*», который издавался с мая 1918 г. по декабрь 1920 г. Но его тираж был значительно меньше, чем у «*Ирише Блэттер*»⁴⁷.

В «*Ирише Блэттер*» публиковалось большое число авторов. Это были и ирландцы, и немцы, и американцы, и британцы. Здесь печатались статьи Дж. Чаттертона-Хилла, Ю. Покорного, профессора одного из нью-йоркских университетов О. Кнейвера, бывшего профессора Университета Белфаста М. Фройнда, британского историка и хорошей знакомой Р. Кейзмента Алисы Стопфорд Грин, Дж. МакГьюира и, конечно, сэра Роджера Кейзмента и др. Антианглийские тенденции отчетливо проявлялись во всех номерах журнала. В «*Ирише Блэттер*» большое внимание уделялось политической ситуации в Ирландии, особенно росту популярности Шинн Фейн⁴⁸. Несколько статей было посвящено позиции ирландо-американцев и их роли в политике США⁴⁹. Другими популярными темами служили статьи о национальных мучениках Ирландии как прошлого, так и настоящего (Р. Кейзмент, Д. Планкетт, П. Пирс, Т. МакДонах и др.)⁵⁰, печатались также очерки по истории ирландской культуры и художественные произведения⁵¹.

В 1918 г. общество организовало крупное празднование Дня Св. Патрика. На торжественный прием в отеле «Адлон» в Берлине были приглашены политики, финансисты, ученые и деятели искусства; присутствовали делегация ирландских военнопленных и «гости из Индии, Египта, Персии, Алжира и Финляндии». Также сюда прибыли делегаты от различных германских ведомств. МИД Германии представлял барон фон Штумм, который в своей речи показал Ирландию примером английской политики угнетения малых народов и высказал симпатии всего немецкого народа Ирландии в ее борьбе за свободу⁵². Во время празднования наравне с ирландскими народными песнями исполнялись произведения Вагнера и Штрауса, а закончился прием гимном Германской империи.

На приеме было составлено послание Вильгельму II с надеждой, что «немецкий меч после окончательного освобождения угнетенных народов на Востоке, также сможет разорвать цепи на Западе, которыми Англия опутала Ирландию». В апрельском номере «*Ирише Блэттер*» были опубликованы ответ кайзера и телеграммы от П. фон Гинденбурга и канцлера Г. фон Гертлинга, в которых высказывались симпатии в отношении Ирландии⁵³.

В истории общества ярко видны два крупных события, которые серьезно повлияли на деятельность общества. Первое – конфликт ГИО с М. Эрцбергером и второе – политический крах Дж. Чаттертона-Хилла. Они тесно взаимосвязаны друг с другом.

Политика кайзеровского правительства, что неудивительно, коренным образом отличалась от тех пассажей, которые встречались в пропагандистской литературе. Влияние на это оказывалось, видимо, и теми персоналиями, которые занимали кабинет статс-секретаря Германской империи. Видимо, А. Циммерман испытывал больше симпатий к Ирландии, чем сменивший его в июле 1917 г. Р. Кюльман, сторонник скорейшего начала переговоров о мире с Англией⁵⁴.

Существенным пунктом для симпатизирующих делу Ирландии и активно участвующим в его пропаганде было внесение Германией в условия мира положения о защите прав Ирландии⁵⁵. Поэтому, проводя пропаганду, они с особым рвением следили за официальной позицией Берлина. С удовлетворением ими был отмечен ответ германского правительства от 31 января 1917 г. на речь «О мире без победы» В. Вильсона в сенате 22 января 1917 г. В нем говорилось: «Германия искренне была бы рада, если бы в соответствии с этими принципами (самоопределения и равенства в правах всех наций – *В.Д.*), страны как Ирландия и Индия, которые не пользуются выгодами национальной независимости, получили бы свою свободу»⁵⁶. Германия принимала положения о «свободе морей», «устранении системы баланса сил», принцип «открытых дверей» в колониях⁵⁷. Конечно, подобные заявления делались в пропагандистских целях.

Вступление США в войну в апреле 1917 г. и изменения, произошедшие на фронтах и на море, вынудили Германскую империю вести более осторожную политику. Все чаще в среде политиков начинают вести разговоры о поиске оптимальных условий для мира, хотя бы даже в качестве пропагандистского жеста. Теперь стали более осторожно подходить к некоторым вопросам, например, национальным. 19 июля 1917 г. Рейхстаг большинством голосов принял резолюцию, которую разработал М. Эрцбергер. Она вызвала острую критику Чаттертона-Хилла и членов ГИО. Протест у них вызвало положение в котором декларировалось:

«Рейхстаг стремится к миру взаимопонимания и окончательного примирения народов. Любое нарушение территории и политические, экономические и финансовые гонения несовместимы с таким миром»⁵⁸. Таким образом, изменение статуса Ирландии не могло рассматриваться на мирной конференции. Хотя данная резолюция не была официальной позицией кайзеровского правительства, данный факт получил осуждение у ГИО.

В октябре 1917 г. в «*Ирише Блэттер*» появилась статья под заголовком «*Que vadis, Germania?*» (Куда идешь, Германия? (лат.)). Она была написана «Германикусом», с которым редакторы отождествляли общую позицию читателей журнала. В редакторском предисловии к статье осуждался «мир покорности и взаимопонимания», который равнозначен поражению Германии и является своего рода сепаратным, так как судьбы Ирландии и народов Востока, «друзей и союзников Центральных держав» отданы на откуп «англо-саксонскому капиталистическому империализму»⁵⁹.

Чаттертон-Хилл и Гаффни написали несколько писем в МИД Германии с осуждением подобной политики. В них критиковался отход германской внешней политики от прежней линии поддержки ирландского национального движения. Так, Чаттертон-Хилл указывал на неясность ноты от 31 января 1917 г. из которой не следовало, что независимость Ирландии одно из условий мира. Официальное же заявление с требованием ирландской независимости, как утверждает, Чаттертон-Хилл оказала бы сильное влияние на общественное мнение в Америке и Британии, что стало бы полезным против их военной политики⁶⁰. В конце декабря 1917 г. Чаттертон-Хилл и Гаффни отправили Кюльману меморандум, в котором выступали против п. 3 германских предложений в Брест-Литовске, согласно которому будущее народов, не имеющих автономии, подлежало внутреннему рассмотрению «каждого государства со своими народами самостоятельно»⁶¹. Так как положение относилось и к Ирландии, они опасались, что подобные условия будут вынесены и на мирную конференцию с Антантой. В марте 1918 г. от лица ГИО канцлеру Гертлингу была направлена телеграмма с обоснованием необходимости включения пункта об ирландской независимости в мирные предложения Германии⁶².

Несколько запоздалой реакцией на резолюцию Эрцбергера стало его исключение в январе 1918 г. из ГИО. Вскоре за ним ушел Рихтхоффен⁶³. В лице Эрцбергера общество потеряло влиятельного покровителя и спонсора, что вскоре отразилось на выходе журнала.

С приходом в МИД П. Гинце и после его писем в ГИО с заверениями в германских симпатиях к Ирландии и его желании защищать малые нации, Чаттертон-Хилл высказал надежду на положительное решение

Германии об интернационализации «ирландского вопроса»⁶⁴. В «*Иррише Блэттер*» появился комментарий: «Господин фон Кюльман в течение долгого времени не использовал египетский, ирландский и индийский аргументы в дебатах. Господин фон Гинце теперь исправит это упущение»⁶⁵. Однако официальных шагов в вопросе отстаивания права Ирландии на независимость МИД не предпринял.

В январе 1919 г. Гаффни и Чаттертон-Хилл направили во Внешнеполитическое ведомство меморандум по случаю принятия Германией «14 пунктов» Вильсона. В нем они вновь обращали внимание ведомства на равные права Ирландии в сравнении с другими малыми народами, вопрос о государственности которых поднимался в ходе переговоров⁶⁶. Таким образом, они хотели, чтобы Германия в диалоге со странами Антанты подняла вопрос о независимости Ирландии. Немецкие делегаты в Версале не хотели осложнять свои отношения с Англией «ирландским вопросом». По этим же соображениям с возрастающим скепсисом и нетерпением следил МИД за общественной деятельностью Дж. Чаттертона-Хилла. Поэтому сотрудник МИД Ромберг не поддержал идею выступления Чаттертона-Хилла в июне 1919 г. на крупной демонстрации национальных групп в Берлине, аргументируя свой отказ вопросом: «Что об этом напишет английская пресса?»⁶⁷.

После окончания войны откровенная политизация ГИО исчезла. Англофобскую позицию сменили культурные и экономические аспекты сотрудничества между двумя народами⁶⁸.

Таким образом, проирландская пропаганда в последние годы Первой мировой войны резко отличалась от официальной позиции германского правительства, которое использовало ирландское национальное движение в своих корыстных целях. С приближением окончания войны разрыв между пропагандой и внешней политикой еще больше расширился.

¹ Подробнее см.: Дуров В.И. *Внешнеполитический фактор в истории ирландского национализма. 1900-1916* // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 178-190.

² См.: Tansill Ch. *America and the Fight for Irish Freedom: 1866-1922*. N.Y., 1957. P. 210-212.

³ См.: Bernstorff an Auswärtiges Amt, 6.05.1916 // *Politisches Archiv des Auswärtigen Amts, Berlin. Der Weltkrieg Nr. 11 k geheim. Unternehmungen und Aufwiegelung gegen unsere Feinde unter den Iren*. (далее - PA AA. WK 11k geheim). Bd. 12. (R 21164). A 15049. Bl. 44; Bernstorff to Bethmann Hollweg, 17.05.1916 // Doerries R.R. *Prelude to the Easter Rising. Sir Roger Casement in Imperial Germany*. L., Portland, 2000. P. 219.

⁴ Nadolny to German Foreign Office, 11.06.1916 // *Ibid.* P. 220.

⁵ Bernstorff an Auswärtiges Amt, 8.09.1916 // PA AA. WK 11k geheim. Bd. 13. (R 21165). AS 4111. Bl. 4-5.

⁶ См.: Kluge H.-D. *Irland in der Geschichtswissenschaft, Politik und Propaganda vor 1914 und im Ersten Weltkrieg*. Frankfurt am Main, Bern, New York, 1985. S. 158-160.

⁷ См.: Kluge H.-D. *Op. cit.* S. 160.

⁸ Bernstorff an Auswärtiges Amt, 16.01.1917 // PA AA. WK 11k geheim. Bd. 13. (R 21165). AS 304. Bl. 33.

⁹ См.: Kluge H.-D. *Op. cit.* S. 161.

¹⁰ Romberg an Auswärtiges Amt, 15.10.1917 // PA AA. WK 11k geheim. Bd. 13. (R 21165). AS 3901. Bl. 98.

- ¹¹ См.: Romberg an Auswärtiges Amt, 15.10.1917 // PAAA. WK 11k geheim. Bd. 13. (R 21165). AS 3901. Bl. 98.
- ¹² См.: Kluge H.-D. Op. cit. S. 162.
- ¹³ См.: Loh G. Irland in der Berichterstattung deutscher Tageszeitung (1914-1918). Frankfurt am Main, Bern, N.Y, Paris, 1987. Bd. 1. S. 422.
- ¹⁴ См.: Loh G. Op. cit. Bd. 1. - S. 443-444.
- ¹⁵ Например, см.: Дуров В.И. Ирландский вопрос на страницах российской печати начала 20 в. // Шэмрок. Ирландские исследования (История, Политика, Культура) : сборник. Воронеж, 2009. № 4. С. 95.
- ¹⁶ Irish Loyalty and German Hopes // The Times. 1916. 8 May. P. 7.
- ¹⁷ См.: Loh G. Op. cit. Bd. 1. S. 446.
- ¹⁸ Bülow B. v. Weltkrieg und Zusammenbruch // Bülow v. B. Denkwürdigkeiten: Bd. 3. Berlin, 1931. S. 282.
- ¹⁹ См.: Loh G. Op. cit. Bd. 1. S. 449, 452, 502.
- ²⁰ См.: Dibelius W. Der irische Aufstand. // Internationale Monatschrift. Für Wissenschaft, Kunst und Technik. 1916. Heft 11. S. 1338-1370.
- ²¹ Ibid. S. 1354-1355.
- ²² Ibid. S. 1368-1370.
- ²³ См.: Kluge H.-D. Op. cit. S. 193.
- ²⁴ Например, см.: Chatterton-Hill G. Irland und seine Bedeutung für Europa / G. Chatterton-Hill. Berlin, 1916; Idem. Das Stimme Irlands // Ibid. S. 138-143; Idem. Irland und die Wehrpflicht // Ibid. S. 144-148.
- ²⁵ См.: Casement R. Gesammelte Schriften: Irland, Deutschland und die Freiheit der Meere und andere Aufsätze. Diessen, 1916.
- ²⁶ См.: Pokorny J. Meine Erinnerungen an Sir Roger Casement // Irische Blätter. 1917. № 2. S. 93-96; Rothenfelder F. Casement in Deutschland. Ausburg, 1917; Der Casement-Prozess und seine Ursachen [hrsg. u. übers. A. Meyer]. 4. Aufl. Berlin, 1916.
- ²⁷ Rothenfelder F. Op. cit. S. 124.
- ²⁸ Loh G. Op. cit. Bd. 1. S. 497-499.
- ²⁹ См.: Liebknecht K. The Future Belongs to the People. Liebknecht's Reply to his Judges, Berlin, May 3rd, 1916 // Karl Liebknecht Internet Archive: [сайт]. [2002-]. Дата обновления: 4.09.2007. URL: <http://www.marxists.org/archive/liebknecht-k/works/1916/future-belongs-people/ch25.htm> (дата обращения: 12.07.2007). Возможно, одной из причин ареста стало антивоенное выступление К. Либкнехта в рейхстаге 7 апреля 1916 г. В нем, в частности, он заявил, что располагает копией германо-ирландского соглашения 1914 г. (Liebknecht K. The Future Belongs to the People. Reichstag Meeting, April 7, 1916 // Ibid. URL: <http://www.marxists.org/archive/liebknecht-k/works/1916/future-belongs-people/ch21.htm> (дата обращения: 12.07.2007)).
- ³⁰ Germany and Ireland. Casement's Contact with Herr Zimmermann // The Freeman's Journal. 1917. 5 November.
- ³¹ Oberste Heerleistung an Auswärtiges Amt, 13.12.1917. Telegramm Nr. 1848 // PA AA. Großes Hauptquartier. 9b. England – Irland. Bd. 1. (R 22175); Auswärtiges Amt an Oberste Heerleistung, 10.12.1917. Telegramm Nr. 869 // Ibid. Видимо это свидетельствует о том, что пришедшим в ОХЛ в августе 1916 г. Людендорфу и Гинденбургу не было известно о существовании соглашения между германским правительством и Кейзментом. Данное обстоятельство ещё больше подчеркивает загадочность «утечки информации» к левым интернационалистам. (Копию текста договора англичане получили в августе 1919 г. через бывшего депутата Рейхстага Б. Брюса (Kilmarnock (Copenhagen) to Curzon, Secret, 27 August 1919, enclosing copy of letter from Arthur Zimmermann to Casement of 28 Dec. 1914 with copy of agreement on "the formation of an Irish Brigade" // PRO London. CO 904/194/46. Casement Roger (Sir). P. 22-28)).
- ³² См.: Loh G. Op. cit. Bd. 1. S. 422, 506.
- ³³ Berckheim an Auswärtiges Amt, 9.06.1918 // PAAA. WK 11k geheim. Bd. 13. (R 21165). AS 2610. Bl. 132.
- ³⁴ Подробнее см.: Kluge H.-D. Op. cit. S. 257-307.
- ³⁵ См.: Ibid. S. 265-287. В марте 1918 г. Швеция и Швейцария запретят распространение «Ирише Блэттер» как журнала нарушающего их нейтралитет.
- ³⁶ Casement R. Meine Mission nach Deutschland während des Krieges und die Findlay affaire / Auf Grund der Tagebücher und Korrespondenz dargestellt von Charles Curry. Altenburg, 1925. S. 204; Wolf K. Sir Roger Casement und die deutsch-irischen Beziehungen. Berlin, 1972. S. 56.
- ³⁷ См.: Wolf K. Op. cit. S. 57.
- ³⁸ См.: Kluge H.-D. Op. cit. S. 287, 289.
- ³⁹ См.: Ibid. S. 289-290.
- ⁴⁰ Chatterton-Hill an Erzberger, 27.12.1916 // PA AA. England (80). Bd. 14, (R 5870). A 1589817.
- ⁴¹ Erzberger an Zimmermann, 3.02.1917 // PA AA. England (80). Bd. 14, (R 5870). A 3907.
- ⁴² Satzungen der Deutsch-irischen Gesellschaft // Die Irische Blätter. 1917. № 1. S. 5.
- ⁴³ Ibidem.
- ⁴⁴ General von Ludendorff und Staatssekretär Zimmermann an die Gesellschaft // Ibid. S. 10.

-
- ⁴⁵ См.: Gaffney T. St. J. *Breaking the Silence. England, Ireland, Wilson and the War.* N.Y., 1930. P. 192.
- ⁴⁶ См.: Ibid. Op. cit. P. 199; Kluge H.-D. Op. cit. S. 292-293.
- ⁴⁷ См.: Kluge H.-D. Op. cit. S. 280, 292.
- ⁴⁸ Например, см.: Brooks S. Sinn Fein // *Die Irische Blätter.* 1917. № 1. S. 37-47; Schultze E. Die Gräueltaten der englischen Aushungerungskriege in Irland // Ibid. № 2. S. 107-130; Freund M. Die Erneute Los-von-England-Bewegung unter den Iren in Irland und Amerika // Ibid. № 4. S. 303-307.
- ⁴⁹ Например, см.: Knaver A. Geltung und Wert der amerikanischen Iren und ihre Beziehungen zum Deutschtum // Ibid. № 4. S. 242-265.
- ⁵⁰ Например, см.: Pokorny J. Drei Dichter-Märtyrer // Ibid. № 4. S. 280-302; Gassirer J. Ein Vorgänger von Roger Casement: Robert Emmet // Ibid. № 6. S. 432-438.
- ⁵¹ Например, см.: Pokorny J. Perlen der irischen Literatur // Ibid. № 8. S. 625-634; Pearse P. Hänschen und die Vögel. Eine Erzählung // Ibid. № 1. S. 48-58.
- ⁵² См.: Gaffney T. St. J. Op. cit. P. 195; St. Patricks-Tag in der DIG // *Die Irische Blätter.* 1918. № 3. S. 174-178.
- ⁵³ *Die Irische Blätter.* 1918. № 3. S. 167-173, 178.
- ⁵⁴ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914-1918. Düsseldorf, 2000. S. 350. (А. Циммерман занимал пост статс-секретаря Германии с ноября 1916 г. по июль 1917 г. Кюльман был главой МИДа Германии до августа 1918 г., когда его сменил фон Гинце).
- ⁵⁵ Например, см.: Pokorny an Wedel, 16.09.1916 // PA AA. WK 11k geheim. Bd. 12, (R 21164). A 26017; Kuno Meyer an den Hochverehrten Unterstaatssekretär, 21.09.1917 // PA AA. England (80). Bd. 15, (R 5871). A 31497.
- ⁵⁶ German Ambassador Count Johann von Bernstorff to Robert Lansing, US Secretary State, 31 January 1917 // *The First World War: [caüm].* [2000-]. URL: http://www.firstworldwar.com/source/uboaat_bernstorff.htm (дата обращения: 7.08.2009).
- ⁵⁷ См.: Theobald von Bethmann-Hollweg's Address to the Reichstag on the German Policy of Unrestricted U-boat Warfare, 31 January // *The First World War: [caüm].* [2000-]. URL: http://www.firstworldwar.com/source/uboaat_bethmann.htm (дата обращения: 7.08.2009).
- ⁵⁸ Text of the Peace Resolution // *The First World War: [caüm].* [2000-]. URL: http://www.firstworldwar.com/source/reichstag_peaceresolution.htm (дата обращения: 7.08.2009).
- ⁵⁹ Germanicus. Que vadis, Germania? // *Die Irische Blätter.* 1917. № 6. S. 407.
- ⁶⁰ Chatterton-Hill an Reichskanzler, 23.10.1917 // PA AA. England (80). Bd. 15, (R 5871). A 35355. Bl. 8-9.
- ⁶¹ Chatterton-Hill und Gaffney an Kühlmann, 31.12.17 // England (80). Bd. 15, (R 5871). A 44105. Bl. 1-2.
- ⁶² DIG an Hertling, 1.03.1918 // England (80). Bd. 15, (R 5871). A 9341.
- ⁶³ Die Vorgänge in der DIG // *Die Irische Blätter.* 1918. № 2. S. 92-93.
- ⁶⁴ См.: Gaffney T. St. J. Op. cit. P. 197; Staatssekretär von Hintze über Irland // *Die Irische Blätter.* 1918. № 5. S. 390-391.
- ⁶⁵ Staatssekretär von Hintze über Irland // Ibid. S. 391.
- ⁶⁶ См.: Gaffney T. St. J. Op. cit. P. 198-199.
- ⁶⁷ Цит. по: Kluge H.-D. Op. cit. S. 305.
- ⁶⁸ См.: Kluge H.-D. Op. cit. S. 306-307.

ИРЛАНДСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ 1960 – 1970-Х ГГ. (некоторые проблемы истории «Белфастской группы»)

Культура и литература играли особую роль в истории ирландского национализма. Литература содействовала трансформации традиционной ирландской идентичности и формированию современного национализма. Белфастская группа была одним из составных элементов ирландского культурного национализма 1960 – 1970-х годов.

Ключевые слова: ирландский национализм, ирландская поэзия, идентичность, Белфастская группа

A culture and literature played special role in a history of Irish nationalism. Literature assisted to transformation of traditional Irish identity and formation of modern nationalism. Belfast group was one of component elements of Irish cultural nationalism in the 1960s and 1970s.

Keywords: Irish nationalism, Irish poetry, identity, Belfast group

Культура і література виконували особливу роль в історії ірландського націоналізму. Література сприяла трансформації традиційної ірландської ідентичності і формуванню сучасного націоналізму. Белфастська група була одним з складових елементів ірландського культурного націоналізму 1960 – 1970-х років.

Ключові слова: ірландський націоналізм, ірландська поезія, ідентичність, Белфастська група

В отечественной научной литературе, посвященной истории ирландского национального движения и национализма доминирует тематика, связанная с политической активностью националистов, социально-экономическими и политическими программами и концепциями деятелей ирландского движения или отдельных ирландских политических партий¹. Проблемы, связанные с культурными, в первую очередь – литературными, проявлениями ирландского национализма нередко оказываются вне сферы внимания историков². В западной, в англоязычной, историографии сложилась иная ситуация: для ирландских, английских и американских историков ирландская литература – такое же проявление ирландского национализма³, как, например, политика. В такой ситуации в рамках ирландских исследований в России ощущается нехватка работ, посвященных культурному, в частности – литературному, национализму.

В России сложилась своя научная школа, связанная с изучением ирландской литературы, и в поле зрения отечественных авторов попали и некоторые участники ирландской литературной жизни 1960-1970-х годов, в том числе и белфастской группы, в первую очередь – нобелевский лауреат Ш. Хини. В отечественном исследовательском дискурсе творчество Ш. Хини стало объектом филологического и литературоведческого анализа. С другой стороны, если в российских работах затрагиваются политические взгляды ирландского поэта, то они

определяются, как правило, как патриотические. Между тем, в самой Ирландии Ш. Хини имеет репутацию националиста. В западной англоязычной современной научной традиции под национализмом, как правило, понимают принцип, при котором политическое и этническое должно совпадать⁴. Начиная с 1970-х годов англоязычные *nationalism studies* испытали мощное влияние со стороны *postcolonial studies*, основоположником которых признан американский исследователь Эдвард Саид⁵. В зарубежной исторической литературе уже имели место попытки соединить *Irish studies*, *nationalism studies* и *postcolonial studies*, что привело к интересным результатам как в сфере изучения политической истории⁶, так и ирландской культуры⁷. В целом, в западной историографии уже имели место приложить националистические и постколониальные исследования к изучению английской проблематики⁸. Поэтому, в настоящей статье автор попытается проанализировать творчество Белфастской группы в контексте этих методологических подходов.

Поэтому, в центре внимания автора в настоящей статье будут проблемы, связанные с деятельностью т.н. Белфастской группы в контексте истории ирландского культурного национализма второй половины 1960-х – начала 1970-х годов. По мнению британского исследователя Дж. Хатчинсона⁹, культурные националисты сосредотачивают свое внимание в первую очередь на проблемах культурной идентичности, социальной гармонии и традиционной морали. В действительности национализм в чистой культурной форме без примеси политического национализма практически не существует. Поэтому, белфастская группа представляла собой не просто неформальное объединение студентов и преподавателей Королевского Университета в Белфасте, но и политическое движение несогласных (и, поэтому, маргинальных) с политикой британских властей в Северной Ирландии интеллектуалов. Ее появление следует датировать 1963 годом, когда Филип Хобсбаум прибыл в университет для чтения лекций по английской литературе. В 1966 году Хобсбаум, ставший позднее и одним из первых исследователей группы¹⁰, был приглашен в Университет Глазго и неформальным лидером группы стал Шеймас Хини, впоследствии известный ирландский писатель и лауреат Нобелевской премии. Поэтические собрания и семинары Белфастской группы регулярно проводились до 1972 года.

В истории Белфастской группы исследователями выделяется два этапа. Первый датируется периодом между октябрём 1963 и мартом 1966 года (до отъезда Ф. Хобсбаума), второй – 1966 – 1972 годами. В Северной Ирландии белфастская группа как националистическое

движение культурно ориентированного плана возникла тогда, когда политический ирландский национализм показал «свою неспособность в достижении поставленных политических целей»¹¹. В состав группы входило несколько человек, среди которых Шеймас Хини¹², Мэри Хини, Бернард МакЛэверти, Фрэнк Ормсби, Джэймз Симмонз, Артур Тэрри. Белфастская группа, в отличие от аналогичных объединений не оставила после себя специально изданных антологий с произведениями участников группы. С другой стороны, белфастцы контактировали с различными литературными англоязычными журналами в Северной Ирландии. В частности, с 1965 по 1969 год Шеймас Хини и Майкл Лонгли редактировали «Northern Review». В 1968 году по инициативе одного из «белфастцев» Джэймза Симмонза был основан журнал «Honest Ulsterman», который стал одним из крупнейших литературных изданий Северной Ирландии, но не превратился в орган группы. В 1970-е годы после фактического распада группы, значительная часть черновиков была передана ее участниками в Департамент специальных коллекций Библиотеки Роберта В. Вудраффа в Университете Эмори. Другие документы, связанные с историей группы, хранятся в отделе Ирландских коллекций Квинз-Университета¹³.

Основным источником для анализа того места, которое занимает Белфастская группа в истории ирландского национализма, являются поэтические произведения ее участников, интерпретация которых возможна в рамках как чисто филологического подхода, так и в контексте (пост)колониальных исследований¹⁴. Один из идейных лидеров белфастской группы будущий нобелевский лауреат Шеймас Хини нередко обращался к мотивам древнеирландского и кельтского фольклора. Кельтские мотивы сознательно вводились им в англоязычный текст, чтобы акцентировать внимание на уникальном характере ирландской культуры, которая, по мнению поэта, должна была развиваться именно на кельтской этнической основе. Одно из таких, кельтски маркированных произведений Ш. Хини, поэма «Shore Woman», которая открывается эпиграфом – гэльской пословицей «*Man to the hill, woman to the shore*». В этой поэме Ш. Хини пытается сформулировать проблему нравственного выбора ирландца («*This is so easy that's hardly right*»¹⁵) который колеблется между ирландской умирающей культурой и англоязычной культурой бывшей метрополии.

По словам одного из лидеров белфастской группы, Ш. Хини позднее комментируя историю группы, писал, что сама ирландская история стала одним из стимулов, который способствовал тому, что в творчестве группы преобладали темы, связанные с ирландским национальным движением, возрождением ирландской культуры, борь-

бой ирландцев против британской военной оккупации Северной Ирландии. В одном из интервью Ш. Хини сказал, что «ирландская культура в опасности уже пятьсот лет... с 1603 года начался процесс англолизации, британизации, захвата ирландских земель и колонизации Ирландии английской протестантской аристократией»¹⁶. Поэтому, многие произведения участников белфастской группы были явно национально маркированы.

Белфастцы пытались реанимировать некоторые проявления ирландской народной культуры, надеясь, что возвращение к ирландским традициям позитивно повлияет на развитие современной ирландской идентичности. В частности для поэзии Ч. Карсон характерен образ воды, погружаясь в которую герой возвращается к истокам народной культуры: «*I am its water; its voice mine, spilling down the throat of a century. The wheel turns. The past springs to life*»¹⁷. Герой Ч. Карсон, войдя в воду ирландской реки, словно сливается с ней и река, которая так же является образом-символом, призванным подчеркнуть связь между различными поколениями ирландцев, символизирует преемственность поколений и причастность современных ирландцев к ирландской культуре прошлого.

В своих поэтических произведениях белфастцы создали образ своей Ирландии, той страны, какой она должна быть. В этом контексте деятельность ирландских националистов в сфере культуры в целом подтверждает правоту Бенедикта Андерсона¹⁸, который в 1983 году высказал предположение о том, что националистические движения и проекты являются в значительной степени интеллектуальными движениями, участники которых (интеллектуалы, писатели, священники) сознательно конструируют свою идентичность, в том числе и создавая идеальный образ своей страны, который интегрирует в себя целый комплекс разнообразных нарративов (о славном прошлом, о культурной уникальности и неповторимости) и противостоит национализмам соседних наций. Белфастская группа внесла свой вклад в процесс такого культурноориентированного проекта ирландской идентичности во второй половине 1960-х – в начале 1970-х годов.

Согласно Шеймасу Хини, Ирландия – своеобразный заповедник в Европе, где в чистоте сохранились католические традиции. Для Ш. Хини, Ирландия, мифическая Эйре, страна, где «*when Francis preached love to the birds, they listened, fluttered, throttled up into the blue like a flock of words*»¹⁹. С другой стороны, реальная Ирландия, в которой жили участники белфастской группы, была той территорией, которая постоянно ставила перед ирландцами выбор – выбор не просто в пользу британской политической лояльности, но и глубокий идентич-

ностный выбор. Поэтому, герои белфастцев превращаются в своеобразных «ложных мучеников», которые доставляя себе немалые нравственные мучения пытаются найти выход из ситуации, при которой они вынуждены отрицать то, что являются ирландцами: «*it wasn't me, it wasn't there... it wasn't me... you never are*»²⁰.

Современная для Ш. Хини, Ф. Хобсбаума и Ч. Карсон, Северная Ирландия – страна которая не просто умирает из-за того, что старые традиции уходят, став не востребуемыми новым поколением и оказавшись для него ненужными. В такой ситуации ирландским интеллектуалам оставалось только пассивно наблюдать как старая культура постепенно умирает, «*have been gone for ages*»²¹. Для Чирэн Карсон, Ирландия – зона отчуждения и молчания, страна, которую ее соседи пытаются словно не замечать. Поэтому, ирландцы в ее поэзии превратились в отшельников, для которых сложно привлечь к себе внимание остального мира: «*Silence is for miles around an undistinguished white. To fish is to break new ground. This is our lifeline: breaking white to find a deeper blue yesterday, we thought of you, all those miles away. Our letter may have trouble, getting through: the snow covers everything*»²².

В целом, для участников Белфастской группы, многие из которых неоднократно декларировали свою приверженность идеям пацифизма и выражали несогласие с военной политикой Лондона в отношении Северной Ирландии их родина превратилась в страну разделенную блок-постами, бетонными стенами разделительных линий («*...even the sun died on the upper window, but at the end like a stone curtain shutting off another world, this wall beyond green tops of trees*»²³), где чаще можно встретить военный британский патруль, чем католическую процессию. Поэтому, в Северной Ирландии второй половины 1960-х – начала 1970-х годов, где, по мнению Майкла Хечтэра²⁴, столкнулись не две националистические традиции, а гражданский ирландский национализм с военно-полицейской административной машиной Лондона, дорога в церковь превращается для его героя в настоящее испытание веры, а перед каждым визитом в церковь герой, словно, прощается с миром («*today a sinner and shy about it you asked me to drive up to church and sit... what confession? Are you prepairing? Do you tell sins as I would?*»²⁵), так как не уверен дойдет ли он до церкви, или будет задержан британским патрулем.

Атмосфера острого противостояния между ирландскими националистами в Северной Ирландии и британскими войсками привела к тому, что в поэзии белфастской группы образ Северной Ирландии формировался и развивался как образ «штормового острова» - источника постоянной напряженности в отношениях между Ирландией и

Великобританией. В этом противостоянии в тени остается судьба самой Северной Ирландии, жители которой, став героями произведений Ш. Хини, обречены на существование в условиях постоянной опасности. С другой стороны, британские власти предпочитали не замечать протесты северо-ирландских интеллектуалов, которые в своих произведениях осуждали политику Лондона, упрекая его в нежелании заниматься решением реальных проблем Северной Ирландии: «*We are prepared: we build our houses squat. Sink walls in rock and roof them with good slate. We just sit tight while wind dives. And strafes invisibly. Space is a salvo. We are bombarded with the empty air. Strange, it is a huge nothing that we fear*»²⁶.

Поэзия белфастцев была в одинаковой степени политически, граждански и этнически ориентированной. Именно этот гражданский политический заряд в значительной степени и стал причиной того поражения, которое потерпела политика Лондона в отношении Северной Ирландии. По мнению Энтони Смита в противостоянии между консолидированным гражданским националистическим движением и государственным аппаратом второй неизбежно должен был проиграть²⁷, так как общественное мнение и в Ирландии и в Великобритании было на стороне оппозиционного ирландского национализма и не принимала той модели репрессированной лояльности, которую предложил Лондон во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов Северной Ирландии.

Аналогичные мотивы расколотов Ирландии можно найти и у Ф. Хобсбаума, для которого Северная Ирландия – расколотая территория, где среди опустевших улиц и кварталов «*the guns still poke out of decaying walls*». Для М. Лонгли, Северная Ирландия – некая культурная резервация в Европе, где изредка бывают интересующиеся европейские туристы или исследователи, «*visitors are few, a Belgian for instance... linguists occasionally and sociologists*»²⁸. Северная Ирландия в творчестве белфастцев пристает как территория, которая живет двойной жизнью: пять дней в неделю белфастцы ведут жизнь обычного обывателя, а в пятницу вечером начинаются столкновения с британскими войсками²⁹, которые продолжаются все выходные, пока в понедельник утром жители снова не превращаются в спокойных служащих. И в этой ситуации конфронтации между ирландцами и британцами, первым остается только надеяться на то, что их народ не станет статьей в энциклопедии: «*our folk may muster then, even the dead footprint follow footprint through my head*»³⁰.

В такой ситуации, границы реальности в этой наблюдаемой автором Северной Ирландии, отторгнутой от Ирландской Республики, но

так и не ставшей настоящей частью Англии, разрушаются и размываются: «*Though trained on nothing, remembering the past. Sentinel over lost glories stands the Guildhall. The tiny city seems crumbling into the mist. Look for a center – office-blocks, chain-stores? No, simply churches and bars studding blind streets staffed only by patched men with nowhere to go, or peoples in shops who glance up at your feet*»³¹. Поэтому, в произведениях Ф. Хобсбаума привычный и знакомый Белфаст и другие города Северной Ирландии, например – Дэрри, словно, исчезают, город наполняют солдаты, которым он кажется совершенно чужим и безразличным.

И эти английские солдаты в поэзии белфастцев символизируют процесс постепенной колонизации Ирландии англичанами, которые принесли с собой британские традиции и английский язык, вытеснив традиции ирландцев, создав угрозу для самого существования ирландского языка. Поэтому, Ч. Карсон оставалось только пассивно наблюдать, как на смену ирландцам приходят англичане, как одна культура вытесняет другую: «*Each year another man will sail out west to break new ground, and break the knots their women spun in rosaries of net. Each year another man recovers the lines that slipped his fingers, coming back, and reaching back to find his own in this graveyard slowly burying itself in stone*»³².

Тексты белфастской группы демонстрируют нам особый тип литературного дискурса³³, который отличается смешением не просто различных стилевых элементов, но и тем, что текст стал той сферой, где белфастцы конструировали свой набор нарративов, предлагая его читателю, с одной стороны, а с другой, эти нарративы были не просто национально ориентированы, они имели и антиколониальную направленность, будучи попыткой поколебать официальный британский дискурс восприятия Ирландии как части британской английской исторической памяти и литературной традиции. Поэтому, литературный дискурс белфастцев постепенно выходит за границы литературы, перетекает в сферу ирландско-британских отношений, превращаясь в литературный контрдискурс³⁴.

В поэтическом восприятии британского солдата в поэзии белфастцев господствовал националистический нарратив. В этом контексте показательна поэма одного из лидеров группы Ш. Хини «Смерть натуралиста». Натуралист – это образ, символизирующий британскую имперскую традицию покорения и освоения новых территорий. В поэзии ирландской белфастской группы этот нарратив звучит не просто как антиимперский, но и принимая во внимание и то, что Ирландия стала первой английской колонией, и как антиколониальный. В этом

контексте мы можем проанализировать творчество белфастской группы в контексте колониальных теорий³⁵. Творчество белфастцев постколониально, так как они, с одной стороны, использовали английский язык (язык бывшей метрополии), а, с другой, в своих текстах пытались демонтировать комплекс английских имперских нарративов, утверждая оппозиционный ирландски ориентированный нарратив³⁶. По мнению Д. Ахлувалии, любая постколониальная литература имеет тенденцию к постепенной политизации и смыканию со светским национализмом³⁷. С другой стороны, степень вовлеченности литературы и литераторов в политику может быть различной. Что касается белфастцев, то степень их интегрированности в политический процесс была незначительной, так как их культура и культурный национализм интересовали и привлекали больше, чем политическая борьба³⁸.

Поэтому, на страницах поэмы «Смерть натуралиста» британский натуралист умирает: «*Some hopped: the slap and plop were obscene threats. Some sat poised like mud grenades, their blunt heads farting. I sickened, turned and ran. The great slime kings were gathered there for vengeance and I knew that if I dipped my hand the spawn would clutch it*»³⁹. Смерть этого поэтического героя, в понимании белфастцев, символизировало собой то, что британская политика в Северной Ирландии не имеет перспектив и, подобно английскому натуралисту, так же обречена на гибель. Создав именно такие «британские образы», белфастцы внесли свой вклад в создание «образа чужого»⁴⁰ в ирландской литературе XX века. Именно культивирование подобного независимого антибританского нарратива сыграла свою роль не только в усилении политического национализма в Ирландии, но и привело к последовательной этнизации на кельтских началах части ирландского национального движения.

Образу британского солдата в поэзии белфастцев противоположен образ ирландского солдата, не героя, а простого ольстерца, погибшего на далекой войне, которая ничего не дала Ирландии: «*The corn our old men planted in the earth has risen high, the fruit weighs down the branches and the larks sing in the sky. The son I bore my husband sits here smiling on my knee. I curse the hunger drove his father on to Germany got a letter from the King to say that Billy died. A hero's death for England, but I feel no surge of pride. It's easy with the pension now, but I hate security that Billy bought me with his life on the road to Germany*»⁴¹. Если в поэтической традиции белфастской школы британский солдат – это почти всегда агрессор и угроза, то ирландец – жертва. Ирландский солдат для поэтов-белфастцев – это простой крестьянский парень, ка-

толик, призванный в британскую армию и погибший где-то на континенте, воюя за интересы чужого государства.

Таким образом, белфастская группа бала одним из составных элементов ирландского культурного национализма 1960 – 1970-х годов. Продолжая традиции ирландской классической литературы первой половины XX столетия, белфастцы проявили себя как критики британской политики, направленной на раскол Ирландии, на недопущения объединения Северной Ирландии с Республикой Ирландией. С другой стороны, белфастцы – явление совершенно нового плана. Для них характерен и значительный разрыв со старой литературной традицией не в смысле содержания и идейной направленности литературы. Этот разрыв проявлялся в отношении участников белфастской группы к тексту и слову.

Иными словами, они проявили себя и как яркие и талантливые экспериментаторы. Вероятно, эти языковые поиски, поиски такого языка, который максимально соответствовал бы желанию участников группы донести не только определенный политический сигнал, но и подчеркнуть литературный эксперимент, стали результатом того, что ирландская литература в Северной Ирландии на том этапе развивалась в контексте постколониальных литератур. Иными словами, многие поэтические произведения белфастцев постколониальны в стилистическом и языковом планах, но антиколониальны по своей общественной и политической направленности.

В таком контексте творческое наследие белфастской группы имеет и политическое измерение. Поэтому в произведения белфастцев мы находим и чисто политические сюжеты, связанные с неприятием со стороны ирландских интеллектуалов британской политики в отношении Северной Ирландии. С максимальной силой такие настроения проявляются в антивоенной, пацифистской поэзии, в развитие которой белфастцы внесли немалый вклад. С другой стороны, в данном случае мы наблюдаем смыкание политического и культурного национализма, что проявилось, в частности, в стремлении белфастской группы интегрировать в современный на том этапе поэтический язык образы и мотивы, почерпнутые ими из кельтского фольклора и древнеирландской литературы.

История белфастской группы – это и ранняя современность сегодняшней ирландской литературы. Об этом свидетельствует не только то, что ее участники смогли найти свое место в ирландской литературе, но и то, что лидер группы Ш. Хини стал лауреатом Нобелевской премии по литературе. Хини, возможно, не получил столь высокую литературную награду, если бы он не сделал свои первые шаги в 1960-

е годы, будучи членом такого неформального сообщества, как Белфастская группа. Вероятно, это является доказательством того, что творческое наследие группы нуждается в дальнейшем изучении, как в контексте истории ирландской литературы, так и в рамках истории ирландского национализма, в первую очередь – его культурного течения.

¹ Российская литература, посвященная истории Ирландии, в том числе – и ирландскому национализму, обширна. См. библиографический указатель: Ирландия. Прошлое и настоящее. Указатель литературы / сост. Е.П. Гришина, Т.П. Семенова, ред. В.В. Гусев, А.В. Мирошников. – Воронеж, 1998. – 62 с.

² Российскими исследователями написано немало работ, посвященных истории ирландской литературы, которые вписываются в традиционное литературоведение с его интересами к особенностям стиля, жанра, текста, языка. Националистический элемент в таких работах остается вне сферы внимания авторов. См. напр.: Дружина М. Драмы Брендона Биэна // *Театр*. – 1965. – № 8. – С. 149 – 154; Саруханян А.П. Современная ирландская литература. – М., 1973; Жантиева Д.Г. Джемс Джойс. – М., 1967; Ирландская литература XX века. Взгляд из России / ред. Е.Ю. Гинеева. – М., 1997.

³ См.: Bardon J. A History of Ulster. – Belfast, 1996; Boyce D. Nationalism in Ireland. – L.-NY., 1991; Deane S. A Short History of Irish Literature. – Notre Dame, 1994.

⁴ Gellner E. Nations and Nationalism. – Oxford, 1983.

⁵ Said E. Orientalism. – L., 1978; Said E. Culture and Imperialism. – NY., 1993.

⁶ Hechter M. Internal Colonialism: the Celtic Fringe in British National Development, 1536 – 1966. – L., 1975.

⁷ См.: Boland E. Daughters of Colony: A Personal Interpretation of the Place of Gender Issues in the Postcolonial Interpretation of Irish Literature // *Eire Ireland: A Journal of Irish Studies*. – 1997. – Vol. 32. – No 2 – 3. – P. 9 – 20; Boltwood S. A Despotism of Myths: Nationalism, Post-Colonialism, and Identity in Irish Drama, 1850-1990. – Ann Arbor, 1997; Joyce: Text, Culture, Politics / eds. J. Brannigan, G. Ward, J. Wolfreys. – Houndmills, 1998; Tymoczko M. Translation in a Postcolonial Context: Early Irish Literature in English Translation. – Manchester, 1999.

⁸ См.: Brantlinger P. History and Empire // *Journal of Victorian Literature and Culture*. – 1992. – Vol. XIX. – No 2. – P. 317 – 327; Brantlinger P. Rule of Darkness: British Literature and Imperialism, 1830-1914. – Ithaca, 1988; Post-Colonial Theory and English Literature: a Reader / eds. P. Childs, P. Williams. – Edinburgh, 1999.

⁹ Hutchison J. The Dynamic of Cultural Nationalism: the Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. – L., 1987; Hutchison J. Modern Nationalism. – Ithaca, 1994.

¹⁰ Hobsbaum Ph. The Belfast Group: a Recollection // *Eire-Ireland*. – Vol. 32. – No 2 – 3.

¹¹ Smith A. Nationalism: Theory, Ideology, History. – L., 1981. При написании статьи автор не имел возможности использовать оригинальное английское издание книги Энтони Д. Смита. См. украинский перевод: Смит Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / пер. з англ. Р. Феценка. – Київ, 2004. – С. 74. На русский язык книга непереведена.

¹² О Ш. Хини см.: Попова М.К. Знакомство с творчеством Ш. Хини // *Шэмрок. Журнал ирландских исследований*. – Воронеж, 1997. – Вып. 1. – С. 134 – 139.

¹³ В настоящее время большая часть источников Белфастской группы оцифрована и доступна на сайте Университета Эмори. См.: <http://chaucer.library.emory.edu>

¹⁴ См. в теоретическом отношении об этом аспекте в ирландской литературе: Brown R.H. Writing the Social Text Poetics and Politics in Social Science Discourse: Communication and Social Order. – NY., 1992.

¹⁵ Heaney S. Shore Woman. – (<http://poetry.emory.edu/poet-item-tamino-irishpoet-heaneyCPUE.d0e5318>).

¹⁶ Орлов Г. Школа сопротивления Шеймаса Хини // *Завтра*. – 2000. – № 7.

¹⁷ Carson C. Wheel. – (<http://poetry.emory.edu/poet-itemgroup-contents.xml?search=tamino-irishpoet-carson3>)

¹⁸ Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – L., 1983.

¹⁹ Heaney S. Saint Francis and the Birds. – (<http://poetry.emory.edu/poet-item-tamino-irishpoet-heaneyCPUE.d0e667>)

²⁰ Hobsbaum Ph. A False Martyr. – (<http://poetry.emory.edu/poet-item-tamino-irishpoet-hobsbaumCPUE.d1e454>)

²¹ Longley M. In a convent cemetery. – (<http://poetry.emory.edu/poet-item-tamino-irishpoet-hobsbaumCPUE.d1e4769>)

²² Carson C. Letter from Alaska. – (<http://poetry.emory.edu/poet-itemgroup-contents.xml?search=tamino-irishpoet-carson1>)

²³ Hobsbaum Ph. Dead End. – (<http://poetry.emory.edu/poet-item-tamino-irishpoet-hobsbaumCPUE.d1e142>)

²⁴ См. работы Майкла Хечтера 1970 – 1990-х годов: Hechter M. Internal Colonialism: the Celtic Fringe in British National Development, 1536 – 1966. – L., 1975; Hechter M. Rational choice theory and the study of ethnic and race

relations // *Theories of Ethnic and Race Relations* / eds. J. Rex, D. Mason. – Cambridge, 1988; Hechter M. *Explaining nationalist violence // Nations and Nationalism*. – 1995. – Vol. 1. – No 1. – P. 53 – 68; Hechter M. *Containing Nationalism*. – Oxford – NY., 2000.

²⁵ Heaney S. *Boy driving his father to confession*. – (<http://poetry.emory.edu/poet-item-tamino-irishpoet-heaneyCPUE.d0e142>)

²⁶ Heaney S. *Storm on the island*. – (<http://poetry.emory.edu/epoet-itemgroup-contents.xml?search=tamino-irishpoet-heaney1>)

²⁷ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 68.

²⁸ Longley M. *The Island*. – (<http://poetry.emory.edu/poet-item-tamino-irishpoet-longleyCPUE.d3e337>)

²⁹ О политическом насилии в Ирландии на данном этапе см.: Новиков Я.Ю. *Терроризм в Северной Ирландии в контексте истории Ольстерского вопроса // Шэмрок. Ирландские исследования (История, политика, культура)*. – Воронеж, 2002. – Вып. 2. – С. 217 – 228; Вып. 3. – 2004. – С. 128 – 138.

³⁰ Longley M. *Man Friday*. – (<http://poetry.emory.edu/poet-item-tamino-irishpoet-longleyCPUE.d3e3792>)

³¹ Hobsbaum Ph. *Derry City*. – (<http://poetry.emory.edu/poet-item-tamino-irishpoet-heaneyCPUE.d1e301>)

³² Carson C. *Aranmore island*. – (<http://poetry.emory.edu/epoet-itemgroup-contents.xml?search=tamino-irishpoet-carson2>)

³³ О дискурсе в контексте постколониальной теории см.: Adorno R., Mignolo W.D. *Colonial Discourse // Dispositio: American Journal of Cultural Histories and Theories*. – 1989. – Vol. XIV. – No 14. – P. 36 – 38; *Colonial Discourse and Post-Colonial Theory* / eds. P. Williams, L. Chrisman. – NY., 1994.

³⁴ О контрдискурсе в рамках колониальных теорий и исследований национализма см.: Angus I. *A Border Within: National Identity, Cultural Plurality, and Wilderness*. – Montreal, 1997; *Cultural Readings of Imperialism: Edward Said and the Gravity of History* / eds. P.K. Ansell, B. Parry, J. Squires. – NY., 1997; *Intercultural Encounters: Studies in English Literatures* / eds. A. Heintz, K.L. Cope. – Heidelberg, 1999; *Past the Last Post: Theorizing Post-Colonialism and Post-Modernism* / eds. A. Ian, H. Tiffin. – NY., 1991; *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures* / eds. W. Ashcroft, G. Griffith, H. Tiffin. – L., 1989.

³⁵ Об этой проблеме в контексте литературного творчества и национализма см.: Шкандрић М. *В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби*. – Київ, 2004.

³⁶ О постколониальном компоненте в литературе см.: Ashcroft W.D. *The Post-Colonial Studies Reader*. – L., 1995; Ashcroft W.D. *Key Concepts in Post-Colonial Studies*. – L., 1998; Bammer A. *Displacements: Cultural Identities in Question*. – Bloomington, 1994; Barker Fr., Hulme P. *Colonial Discourse, Postcolonial Theory*. – NY, 1994; *Comparing Postcolonial Literatures* / eds. B. Ashok, P. Murray. – L., 2000.

³⁷ О сближении интеллектуалов и светских националистов см.: Ahluwalia D. *Politics and Post-Colonial Theory*. – L., 2000.

³⁸ Позиция Ш. Хини не была понята и принята крайними ирландскими националистами. Дискуссия между поэтом и политиками привела к тому, что в адрес Ш. Хини прозвучало немало угроз, в том числе – и физического устранения.

³⁹ Heaney S. *Death of Naturalist*. – (<http://poetry.emory.edu/epoet-itemgroup-contents.xml?search=tamino-irishpoet-heaney2>)

⁴⁰ О создании «образа чужого» в контексте связи между национализмом и литературой см.: Blaicher G. *Einleitung des Herausgebers: Bedingungen literarischer Stereotypisierung // Erstarrtes Denken. Studien zu Klischee, Stereotyp und Vorurteil in englischsprachiger Literatur* / hrsg. von G. Blaicher. – Tübingen, 1987. – S. 9 – 25; Bleicher T. *Elemente einer komparatistischen Imagologie // Komparatistische Hefte*. – 1980. – No 2. – S. 12 – 24; Boerner P. *Das Bild vom anderen Land als Gegenstand literarischer Forschung // Sprache im technischen Zeitalter*. – 1975. – No 56. – S. 313 – 321.

⁴¹ Simmons J. *The Ulster soldier boy*. – (<http://poetry.emory.edu/epoet-itemgroup-contents.xml?search=tamino-irishpoet-simmons2>)

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ: ЭССЕ, ПУБЛИЦИСТИКА, КОММЕНТАРИИ

Анастасия КЛЕЩЕВА

ПОЛИТИКА ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ:

к проблеме национального и политического
в формировании образа России на Западе

Средства массовой информации в современном мире играют особую роль в формировании политических и национальных идентичностей. Интерпретации различных событий и процессов зависят от политической конъюнктуры. Автор анализирует проблемы двойных стандартов. События в России в западных СМИ связаны с формированием образа России как универсального Другого.

Ключевые слова: средства массовой информации, стереотипы, идентичность, двойные стандарты, образы Другого

The mass media plays special part in forming of political and national identities in contemporary world. The interpretations of different events and processes depend on the political and state interests. The author analyses the problems of double standards. The events in Russia in Western mass-media are connected with formation of Russian image as universal Other.

Keywords: mass medias, stereotypes, identity, double standards, Otherness

Засоби масової інформації в сучасному світі виконують особливу роль у формуванні політичних і національних ідентичностей. Інтерпретації різних подій і процесів залежать від політичної кон'юнктури. Автор аналізує проблеми подвійних стандартів. Події в Росії в західних ЗМІ пов'язані з формуванням образу Росії як універсального Іншого.

Ключові слова: засоби масової інформації, стереотипи, ідентичність, подвійні стандарти, образи Іншого

В эпоху глобализации государства все больше стремятся предотвратить перерастание назревающих конфликтов и противоречий в открытые вооруженные столкновения. Совершенно очевиден и тот факт, что современные войны носят относительно недолговременный характер, так как мировое сообщество выступает категорически против агрессора, объявляя его противником демократии и применяя международно-правовые санкции. Однако все же существует способ ведения подрывной деятельности на территории другого государства, воздействуя на гражданское мнение, причем без применения военной силы. Речь идет об информационной войне, длительной, упорной и противоречивой.

Как отмечают многие исследователи, основным средством информационного воздействия является новость, которая по своей природе является ассиметричной. Следовательно, успешность информационного оружия во многом заключается в его недосказанности. Средства массовой информации (печатные издания, телевидение, Интернет) достаточно широко применяют механизмы воздействия на формирование определенной реакции общества к тем или иным событиям на мировой арене. Зачастую это становится возможным с помощью стереотипных представлений, которые внедряются в общий поток новостей, подсознательно вызывая в массовом сознании положительное или отрицательное отношение к данному известию.

Говоря об информационных войнах в международных отношениях, нельзя не выделить некую двойственность интерпретации одного и того же явления. Таким образом, мы напрямую сталкиваемся с таким комплексным и неоднозначным явлением как «политика двойных стандартов». В сфере международных отношений политика двойных стандартов обычно предстает в виде обвинения противников отдельно взятого государства в нарушении принципов и обязательств, в то время как аналогичные действия союзников этого же государства совершенно игнорируются. Общеизвестно, что терроризм очень тесно связан с деятельностью средств массовой информации. Именно СМИ доносят цели террористов до общественности, именно через них люди узнают об актах насилия. Пресса не просто информирует о происходящем, но и формулирует определения и зачастую подсказывает выводы.

Ярким примером ведения политики двойных стандартов является реакция отечественных и зарубежных СМИ на события в Северном Кавказе. Показательным явлением также стали термины, которые использовались во время войны в Чечне. Так, в отношении чеченской стороны в зарубежных СМИ наиболее часто использовался термин «партизаны» вместо «бандиты» или «боевики». Но самое поразительное, что, даже описывая гибель мирного населения по вине чеченских сепаратистов, западные СМИ, сходились во мнении, что «свобода» по-чеченски в конечном итоге оправдывает «средства и жертвы». Реакция западных СМИ на события трагедии в Беслане в сентябре 2004 г. также свидетельствовала о том, что Запад продолжает использовать двойные стандарты и признает, что «цель оправдывает средства». Что удивительно, но про двойные стандарты западных СМИ писало даже швейцарское издание «Тан».

Комментируя события в Беслане, западная пресса заявляла о терроризме как о всеобщем зле, с которым должно бороться все мировое

сообщество. С другой стороны, они представляли чеченских боевиков как «борцов за правое дело, свободу и независимость». При этом у читателя складывалось впечатление, что школьники Северной Осетии погибли с пользой для «общего дела». Поэтому, занимая такую позицию, западные масс-медиа играли на руку террористам. «Если Запад поддерживает чеченских сепаратистов, то не стоит обращать внимания на жертвы и выражать «искренние соболезнования» России», считает «Тан».

Как типичный пример двойных стандартов в публикации «Тан» фигурирует в частности польская газета «Пшеглэнд», на страницах которой трагедия в Северной Осетии стала лишь поводом для усиления антироссийской пропаганды, для критики Путина и оправдания чеченских террористов. Сегодня интерпретация Западом событий на Кавказе продолжает сохранять свою антироссийскую направленность. При помощи политики двойных стандартов зарубежные журналисты, формируют картину событий, руководствуясь в большей степени проправительственными, нежели профессиональными принципами.

В итоге хотелось бы отметить, что в общем потоке информации очень трудно выявить истинные причины и следствия политики того или иного государства. Реальность зачастую представлена таким образом, каким это выгодно определенным группам элит или странам. Главное – это уметь критически анализировать любую информацию – и не только на предмет «так это или не так» но по принципу «как мне это преподносят?» и (главное) – «что мне этим хотят доказать?». К сожалению, такой анализ не у всех получается – во многом мешает «биполярное мышление», предубеждения и стереотипы.

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА
ПРЕЗИДЕНТСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В УКРАИНЕ В 1991-1996 ГГ.**

Автор анализирует специфику формирования института президентства в постсоветской Украине и его трансформацию в период первого президентского срока Л. Кучмы. Основное внимание в работе автор акцентирует на факторах, повлиявших на формирование институционального дизайна политической системы Украины.

Ключевые слова: институт президентства, политическая стратегия, динамика президентства, парламентские и президентские выборы, конституционный процесс

The author analyses the forms of institute presidency development in post-Soviet Ukraine and its transformation during the first presidential term of Leonid Kuchma. The author accents basic attention in factors which influence on institutional design of the political system of Ukraine formation.

Keywords: institute of presidency, political strategy, dynamics of presidency, parliamentary and presidential elections, constitutional process

Автор аналізує специфіку формування інституту президентства в пострадянській Україні і його трансформацію в період першого президентського терміну Л. Кучми. Основну увагу в роботі автор акцентує на чинниках, які вплинули на формування інституційного дизайну політичної системи України.

Ключові слова: інститут президентства, політична стратегія, динаміка президентства, парламентські і президентські вибори, конституційний процес

Роль института президентства горячо обсуждаемая тема среди политологов. Существует мнение, базирующееся на латиноамериканском опыте, что президентская форма правления может стать причиной срыва зарождающейся демократии из-за присущих ей структурных проблем, которые имеют тенденцию порождать конфликт и нестабильность¹. Интерес к этой проблематике возобновился после распада СССР и возникновения на его территории новых независимых государств, главы которых постепенно превратились во всемогущих руководителей. Политологи опасались, что стремясь заполнить вакуум власти и компенсировать институциональные беспорядки во время переходного периода, президенты могут как правило, «быть всем» и править без каких-либо ограничений и разделения власти с другими представительными органами.

Это, в свою очередь, может затруднить процесс политической институционализации, который необходим для консолидации демокра-

тии в этих государствах. В суматохе первых дней независимости и посткоммунизма, особенно в слабо консолидированных обществах, институт президентства может обеспечить столь необходимое чувство направленности на фоне социально-экономических кризисов. Однако, несмотря на то, что политико-трансформационный процесс на Украине не вписывается в общую канву переходов к демократии на постсоветском пространстве, она в то же время столкнулась с аналогичными трудностями, которые возникали в других постсоветских странах.

Как и другим странам бывшего Советского Союза, Украине необходимо было сократить симбиотические связи государства с экономикой. Отход от командной экономики проходил на фоне глубокого социально-экономического кризиса, произошедшего из-за нарушения экономических связей с бывшими советскими республиками, которые составляли органическое экономическое единство. Кроме того ситуация на Украине усугублялась отсутствием единой поддержки украинской независимости, затрагивая фундаментальный вопрос о национальном самоопределении. Региональные различия оказались мощными предикторами массовых настроений и политического поведения. Глубокий лингвистический, исторический, религиозный и культурный раскол, проходя через украинское общество, географически разделил страну на националистический запад и промышленный, русифицированный Восток.

Наследие многовекового разделения украинских земель между соседними государствами должно было отражено в рамках новой суверенной Украины. Поиск формулы содействия национальному единству стал главным приоритетом. Проблемы государственного строительства, экономических реформ и национальной консолидации, наложенные на лидерство вызвали дилемму: как и в каком порядке они должны рассматриваться. Таким образом, украинский президент, который был избран накануне независимости, вынужден был с самого начала перемещаться в море проблем как рулевой, управляющий страной в бурных водах первых дней независимости. Цель этой статьи, пролить некоторый свет на события, происходящие на Украине в период правления второго президента - Леонида Кучмы, который был избран на пост в июле 1994 года. Придя к власти, Кучма сосредоточился на реформе политической системы и экономических реформах и лишь выборочно осуществлял пункт своей предвыборной платформы, касающийся создания национального единства. В то же время, продвижение сильной президентской власти, возвышение ее над другими институтами, способствовало формированию на Украине затяжной политической напряженности и созданию конфронтационных си-

туаций. Динамика президентства Кучмы, его приоритеты в политике могут быть лучше поняты при сравнении его с первым президентом Украины - Леонидом Кравчуком.

На первых президентских выборах, состоявшихся 1 декабря 1991 года 61,6 % избирателей поддержали Леонида Макаровича Кравчука². Как бывший идеологический секретарь Коммунистической партии Украины и председатель Верховной Рады с июля 1990 года, Кравчук выступал за постепенное сближение с так называемыми «суверенными коммунистами» или «национал-демократами» - оппозиционными антикоммунистическими силами, чья властная база была в Галиции - «Украинском Пьемонте». Эта смесь националистической идеологии (в то время понималась как право украинского народа на свое суверенное государство), а также контроль над республиканскими учреждениями и ресурсами в номенклатуре, были решающим фактором при «переходе к независимости» на Украине.

«Суверенные коммунисты» смогли достичь нужного им результата, используя все еще существующий партийный аппарат (Коммунистическая партия была запрещена в сентябре 1991 года), чтобы радикализовывать массовые настроения в густонаселенной восточной Украине, до сих пор равнодушной к национальному вопросу. Там украинская независимость стала преимущественно связана с ожиданием экономического процветания. А так как вопрос оставался неоднозначным, то одновременное голосование за знакомую фигуру Кравчука, как президента сделало выбор для многих избирателей легче. Как видный член республиканской элиты, Кравчук был фаворитом на пост президента. Его избирательная кампания проповедовала принцип «4 «Д»»: Державність (государственность), Демократія, Достаток (благополучие) и Довіра (Доверие), который призвал многих неопределившихся или безразличных жителей Украины к «голосованию за независимость и Кравчука в одном пакете».

Хотя прямые выборы украинского президента, проведенные в канун независимости в июле 1991 года, рассматривались как щит против Москвы, его реальные полномочия мало отражали компромисс между демократической оппозицией и коммунистической партией. Таким образом, на волне эйфории независимости в начале 1992 года, Кравчук стремился расширить свои ограниченные полномочия и укрепить свою роль в качестве главы исполнительной власти, мотивируя это особыми требованиями суверенитета. Благодаря уступчивости парламента он преуспел в привлечении дополнительных конституционных прав на проведение политических реформ и экономической политики.

Однако, несмотря на это, он вскоре неохотно использовал эти полномочия. Он постепенно воздержался от непосредственного руководства исполнительной ветвью власти и стал играть лишь символическую роль в стране и за рубежом. Он позиционировал себя опекуном независимости и делал акцент на пропаганде своих приоритетов по укреплению украинского государства, указывая на его отличие от России. Он стремился воплотить национальную идею гражданского национализма, основанного на территориальном патриотизме, примирении, подчеркивая при этом, по крайней мере, на начальном этапе, важность плюралистического украинского культурного наследия для молодого государства. На международной арене он преследовал по существу прозападную линию, отвергая одновременно Содружество Независимых Государств (СНГ).

Тем не менее, стратегия укрепления патриотических чувств и отказ от связей с постсоветской Россией взамен на реформы, оказалась контрпродуктивной, поскольку народ, разделенный по своей культурной и политической идентичности находился в условиях острого социально-экономического кризиса. Так Кравчук воздержался от поддержки экономических реформ (чтобы избежать социальных потрясений, которые поставят под угрозу государственность), и фактически закрыл глаза на тот факт, что контроль над экономической властью остался в руках старых партократических структур, которые засели на центральном и региональном уровнях, воспользовавшись сложившимся экономическим беспорядком.

В то же время резкое ухудшение экономики, вызванное тем, что украинское правительство не смогло контролировать фискальную и денежно-кредитную политику привело к развитию центробежных тенденций в 1993 году, когда восток украинских регионов протестовал против оси Киев-Львов и изоляционистской политики Кравчука. В июне 1993 года радикальное повышение цен спровоцировало забастовки шахтеров в Донбассе, в результате чего был поднят вопрос о доверии Президенту и Парламенту. В итоге президентские и парламентские выборы были перенесены на первую половину 1994 года. Ирония президентства Кравчука, выступающего за независимость Украины, заключалась в том, что его стратегия или даже ее отсутствие привело к развитию сепаратистских настроений. Это не только угрожало хрупкой украинской государственности, но и привело к досрочным выборам, в результате которых он был отстранен от власти.

Самое главное, реформирование гибридных, символических и бессильных политических институтов унаследованных от Украинской Советской Социалистической Республики, при достижении независи-

мости, шло медленно. Отсутствие какого-либо из атрибутов современного государства Вебера, «эффективных политических институтов, наличие определенной территории (само наследие советского псевдо-федерализма) - оставалось очевидной слабостью нового государства. Несомненно, прогресс сдерживался нерешенностью следующего вопроса: какую форму государственного устройства, должна принять Украина.

Это нашло отражение в разработке новой Конституции, так как, несмотря на публичные консультации и публикации ряда проектов конституций, редакционная комиссия зашла в тупик перед выборами в 1994 году. В то же время на Украине по-прежнему действовала советская конституция 1978, которая после многочисленных поправок, потеряла всякую организационную функцию. Отсутствие какого-либо четкого разграничения власти означало, что система превратилась в гибридную: совмещение советского парламентаризма с элементами полупрезидентской модели. Об этом свидетельствует наличие двойного контроля над Премьер-министром со стороны одновременно Верховной Рады и Президента. Однако верховенство Парламента все же было сохранено. В то же время точная роль Президента в политической системе, остается неясной.

В 1994 году состоялись выборы, в результате которых первый «концептуальный» президент Украины, был заменен «стратегическим» вторым, который, продолжая охранять суверенитет, показал гораздо большую решимость и мастерство в проталкивании своей точки зрения относительно формы президентства в украинской политике.

До парламентских выборов (которые предшествовали президентским выборам), парламент принял мажоритарной избирательной закон, который затруднил выдвижение кандидатов со стороны политических партий, нежели со стороны рабочих коллективов или групп избирателей. Во всяком случае, украинские политические партии, особенно на уровне руководства, остались слабо укоренившимися в обществе в целом и на региональной основе в частности. В результате выборов политический ландшафт существенно не изменился: общий баланс в новом законодательном органе составляет левый блок (коммунисты, социалисты и аграрии), которые обеспечили более трети от общего числа мест, за счет использования высокой степени их организации и контроля в Восточной и Южной Украине. Правые национал-демократы получили лишь около одной четверти всех мест при наличии нестабильного, неструктурированного центра. Однако со временем, в результате меньшинства центристских фракций, он

пришел к сквозным союзам в зависимости от рассматриваемых вопросов, а именно экономических или национальных.

Президентские выборы были проведены вскоре после парламентских в июне-июле 1994 года. Основным конкурентом Кравчука был Леонид Кучма - бывший директор гигантского завода ракет в Днепропетровске на востоке Украины. Он впервые появился на политической сцене, как мало кому известный представитель так называемого промышленного лобби в парламенте. В ноябре 1992 года он был выдвинут Кравчуком в качестве Премьер-министра и был достаточно быстро утвержден Верховной Радой, поскольку оказался достаточно нейтральным кандидатом. Тем не менее, он проработал недолго, так как столкновения с Кравчуком привели к его отставке менее чем через год.

В то время он стал известен как сторонник эволюционного, «специфически украинского» пути к рыночной экономике. Но, несмотря на полученные чрезвычайные полномочия для того, чтобы активизировать экономические реформы, его правительство было не в состоянии стабилизировать экономику. Тем не менее, Кучма стал известным политиком и к весне 1993 года в опросах общественного мнения его популярность стала доходить до уровня Кравчука. Хотя последний, как правило, рассматривался как наиболее авторитетная фигура в стране с момента обретения независимости. Региональное распределение поддержки Кравчука уже начало проявляться в начале 1993 года: его популярность была самой высокой в западных и самой низкой в восточных областях Украины. Растущая поддержка Кучмы была более равномерно распределена по всей стране, и это было решающим фактором в его победе на президентских выборах.

Кучма, который стоял в качестве независимого кандидата, отверг грандиозную риторику державности Кравчука. Он представил себя как прагматик, считал, что экономика должна предстать перед политикой и, что лучшая экономическая стратегия для Украины - стать «лидером Евразийского региона. Поэтому, по его словам, в дополнение к «контролируемым преобразованиям административной экономики, Украина должна стремиться возобновить экономические связи с Россией и бывшим Советским Союзом, а также вступить в СНГ.

В ходе предвыборной кампании был сделан акцент на популистских лозунгах таких как «закон и порядок», «официальный статус русского языка» с которыми также выступал Кравчук. В целом, Кучма успешно позиционировал себя как эффективный администратор, поддерживающий сильную исполнительную власть, которая, по его мнению, способна вывести страну из кризиса. Кроме того, он удобно ис-

пользовал фигуру Кравчука, обвиняя его в воспрепятствовании его экономической политике, когда он был премьер-министром.

Следует отметить, что программа Кравчука по социально-экономическим вопросам не очень отличалась от Кучмы. Однако, прежде всего, Кравчук продолжал делать акцент на украинский независимости и критиковал Кучму за его «русофильские» тенденции и якобы желание преобразовать Украину в неоколониальное государство в пределах Русской империи, что по его мнению может привести к гражданской войне в Украине. Хотя Кравчуку победил Кучму в первом туре (38 процентов против 31 процента), во втором выиграл Кучма с 52 процентами голосов избирателей. Несмотря на то, что национально-демократическая оппозиция неохотно поддерживала Кравчука во втором туре это своего рода меньшее зло, по сравнению с отчуждением избирателей от «национализма» Кравчука в густонаселенном юге и востоке Украины. Это и стало решающим во втором туре выборов. Распределение голосов в основном разделило страну на две половины³.

Выборы отразили поляризацию страны, глубоко укоренившиеся культурные, языковые, региональные и исторические расколы в Украине, которые были использованы кандидатами в Президенты для того, чтобы накопить политический капитал во время выборов. Это также означало, что новый Президент должен решить проблему неоднородности Украины и преодолеть разрыв между Востоком и Западом.

Л. Кучма начал свою карьеру в советизированном городе Днепропетровске как член советской русскоязычной технократической интеллигенции. В отличие от своего предшественника Кучма был более опытный в принятии управленческих решений, поэтому его новой политической целью стало накопление сил в погоне за более авторитетным исполнительным президентством, чем то, что было унаследовано от Кравчука. В то же время, как и Кравчук, Кучма вскоре оказался «державником» - твердым сторонником украинского суверенитета и территориальной целостности, принимая твердую позицию по отношению к России. Впоследствии многие наблюдатели - задним числом - отметили, что «патриотизм» Кучмы вытекает из логики его положения в качестве главы независимого государства, хотя это менее очевидно, накануне и сразу - после его избрания.

Прагматичный Кучма постепенно начал отказываться от своих предыдущих поляризационных риторик и постепенно отошел от той политической линии, которая оттолкнет Западную Украину, хотя и не за счет потери Восточной Украины. Во-первых, прежде чем дистан-

цироваться от своей первоначальной прокламации на реинтеграцию с Россией, Кучма оставался осторожным, ассоциированным членом СНГ. В повторяющиеся сражениях в украинском парламенте между «левой» и «правой» фракций по вопросу о членстве в Межпарламентской ассамблее СНГ Кучма встал на сторону правых. Кроме того, он решительно отверг возможность двойного гражданства русских в Украине, на которую по-прежнему настаивала Россия в начале 1995 года.

Таким образом, постепенно, под влиянием финансовой помощи, предоставляемой Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком, Евразийская направленность Кучмы стала меняться на более западную, о чем свидетельствует его намерение вступить в Европейский Союз. Во-вторых, несмотря на предвыборные опасения Кучма играл чувствительным и спорным вопросом русского как второго государственного языка. Несмотря на то, что это было краеугольным камнем его предвыборной кампании, он стал использовать в речи украинский язык, который стал учить сразу же, уйдя с поста премьер-министра.

В-третьих, обуздав крымский сепаратизм в 1995 году он завоевал признание правоцентристов, продолжив умеренный путь государственного строительства. Таким образом, ограничивая при этом эксцессы, происходящие в переписывании украинской истории и мифотворчестве, он был склонен публично вносить свой вклад в процесс национального строительства. Это было сделано с опорой на нейтралитет, на объединяющее начало казачьих и советских символов, а не тех, что связаны с более спорным периодом Второй мировой войны. (например, антирусскую борьбу Украинской повстанческой армии в Галичине и на Волыни во время и после Второй мировой войны).

Среди его предвыборных обещаний приоритетом стали экономические реформы. Его политическая программа "Путь через радикальную экономическую реформу" в октябре 1994 года, свидетельствует о том, что экономический кризис в Украине окончательно убедил ряды бывшей номенклатуры в необходимости реформ. Кучма был самозванный реформатор с небольшим пониманием «гаек и болтов» однако он по-прежнему придерживался нео-либерального экономического подхода. К весне 1995 года украинская экономика демонстрировала первые долгожданные признаки улучшения некоторых экономических показателей. Реальный валовой внутренний продукт (ВВП) перестал падать и стабилизировался вместе с ценами и инфляцией. Остановил падение и номинальный обменный курс⁴. В октябре 1996 года была успешно реализована долгожданная денежная реформа, которая озна-

меновала конец высокой инфляции и породила надежды на восстановление экономики.

Тем не менее, Кучма полагался на мощный клан Днепропетровской региональной элиты (хорошо известный в бывшем Советском Союзе, поскольку карьера Леонида Брежнева началась именно там), члены которого были выдвинуты на высокие государственные должности. Хотя такая кадровая политика в некоторой степени компенсировала отсутствие у Кучмы общенациональной политической базы, однако вызвала споры среди других восточно-украинских региональных элит, например, в Донецке, где соревновались за влияние в центре. Напряженность в этом направлении всплыла особенно ярко после назначения Павла Лазаренко на пост премьер-министра в мае 1996 года и покушения на него в июле того же года. В общем, Кучма признал необходимость расширения своего президентского мандата. С такими сильно поляризованными результатами голосования в 1994 году, любые попытки нового Президента подчеркнуть культурный и языковой раскол, а не подавлять его были бы крайне рискованным предприятием. В результате, его полномочий как державника, характеризующихся осторожным, и довольно нейтральным подходом к культурной и языковой политике, хватило на *modus Vivendi* с Западной Украиной. Однако с тех пор его популярность упала в Восточной Украине. В целом, достаточно высокий уровень поддержки населением сделал его самым надежным политическим деятелем в Украине с 1994 года.

¹ *The Failure of Presidential Democracy: Comparative Perspective* / eds. J.J. Linz and A. Valenzuela. – Baltimore, 1994.

² Украина. Президентские выборы 1991. –

(<http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraine-presidential-election-1991.html>)

³ *Ibid.*

⁴ *Ukrainian Economic Trends: Monthly Update* (The European Centre for Macroeconomic Analysis of Ukraine, 1995)

ИСЛАМ, АРИЙСКАЯ ИДЕЯ И ИРАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

(эссе)

В эссе автор анализирует проблемы развития современного национализма в Иране. Иранский национализм развивается как синтез идей ислама и различных политических концепций. Арийская идея играет особую роль в интеллектуальной жизни современного Ирана. Комплекс арийских нарративов влияет на развитие современного иранского национализма.

Ключевые слова: Иран, ислам, национализм, арийская идея

The author in his essay analyses the problems of nationalism development in modern Iran. Iranian nationalism develops as synthesis of Islam ideas and different political conceptions. The Aryan idea plays special role in intellectual life of contemporary Iran. Complex of Aryan narratives influences on development of modern Iranian nationalism.

Keywords: Iran, Islam, nationalism, Aryan idea

В цьому есеї Автор аналізує проблеми розвитку сучасного націоналізму в Ірані. Іранський націоналізм розвивається як синтез ідей ісламу і різних політичних концепцій. Арійська ідея виконує особливу роль в інтелектуальному житті сучасного Ірану. Комплекс арійських нарративів впливає на розвиток сучасного іранського націоналізму.

Ключові слова: Іран, іслам, націоналізм, арійська ідея

Иран в современной однополюсной системе международных отношений, несмотря на неустойчивость межгосударственных каналов взаимодействия, как в регионах своего распространения, так и во всем мире проявил жизнестойкость и крепость своей внутренней конструкции, то есть неискренность своего внутреннего стержня. Причины этого кроются не только в растущей военно-политической мощи стержневого государства персидской цивилизации Ирана, но и в особенностях иранской ментальности и ее влиянию на соседние народы. Обсуждая вопросы, связанные с Ираном, как в культурном, так и политическом аспекте неоднократно можно услышать термин «арийский ислам», который применяем только в отношении к Ирану.

Если провести системный анализ «арийского ислама», то можно выявить историческую параллель между эпохой социализма. Ислам в Иране в отличие, от арабских государств начиная с 1990 – х годов стал не концепцией внешней или внутренней политики, а лишь поддержанием этики и морально – духовного состояния иранского общества. На первое место вышли доктрина региональной интеграции и иранская концепция национальной безопасности, которая предполагает взаимодействие со всеми странами на равноправной основе.

Говоря об особенностях иранского ислама, всплывает историческая параллель между арийским исламом и югославским социализмом, который ослабил идеологический прессинг на общество и дал определенную свободу экономике государства. Подобно сталинизму, где под термином ленинско-марксистской политэкономии был скрыт тезис борьбы с троцкизмом и глобализацией, мировой экономической мафией («Не важно кому принадлежит политическая власть, мне важно управлять потоками денег и тогда я буду управлять миром». – Джон Девисон Рокфеллер) и создание справедливого государства, «ирано-исламский социализм» декларирует те же цели.

Иран стал приобретать популярность среди стран постсоветского пространства в особенности страны Центральной Азии, которые считают Иран (на общественном уровне) не только генератором экономического состояния в регионе, но и своим прошлым, так как исконно иранские территории Средней Азии оставили среднеазиатским этносам не только богатое культурное наследие, иранскую ментальность (туркмены, узбеки также азербайджанцы по своим расовым, генетическим и культурным особенностям близки к иранским народам), но и ту геополитическую основу, которая делает Иран альтернативой Западу и России. Популярность персидского языка выходит за пределы Ближнего для Ирана зарубежья. Все больше молодых специалистов находят в себе желание изучить фарси и культуру парсов.

Единственным фактором, который мешает межкультурному взаимодействию с Ираном – это неподчинение иранского руководства законам глобальной капиталистической квартиры штаб, которой находится в США. Гегемониально-империалистическая природа в современных международных отношениях ставит страны и народы планеты на жесткую линию апатии и неприязни, что и вызывает препятствия на пути межкультурного общения. И благополучие межкультурных каналов взаимодействия в наше время будет зависеть не, сколько от экономической мощи Китая или панъевропеизма, а сколько от политической и морально – духовной целостности Ирана, который дает миру ощутить не только духовно, но и физически концепцию мирного сосуществования и региональной интеграции.

НАЦИОНАЛИЗМ В СССР

Максим КИРЧАНОВ

СОВЕТИЗАЦИЯ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 1920 – 1930-Е ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Автор анализирует процессы трансформации русской идентичности в ранний советский период. Русские были той нацией, которая в наименьшей степени смогла воспользоваться результатами распада Российской Империи. Большевики не создали русскую государственность и поэтому русская идентичность и национализм развивались только в культурной сфере. Русская идентичность изменилась, обрела политический характер. Универсальным инструментом ее трансформации стала идеологизация и принудительная интеграция в новый официальный советский канон политической лояльности.

Ключевые слова: Россия, русская идентичность, советизация, русская литература

The author analyses processes of Russian identity transformation in an early Soviet period. Russians were among nations which in the least degree was able to take advantage of Russian Empire disintegration results. Bolsheviks did not establish Russian statehood and Russian identity and nationalism developed only in a cultural sphere. The Russian identity changed and transformed from national to political identity. Ideologization became the universal instrument of its transformation and forced integration in a new official Soviet canon of political loyalty.

Keywords: Russia, Russian identity, Sovietization, Russian literature

Автор аналізує процеси трансформації російської ідентичності в ранній радянський період. Росіяни були тією нацією, яка в найменшій мірі змогла скористатися результатами розпаду Російської Імперії. Більшовики не створили російську державність і тому російська ідентичність і націоналізм розвивалися тільки в культурній сфері. Російська ідентичність змінилася, став переважно політичною. Універсальним інструментом її трансформації стала ідеологізація і примусова інтеграція в новий офіційний радянський канон політичної лояльності.

Ключові слова: Росія, російська ідентичність, радянська література

Модель существования и функционирования советской литературы, создания и воспроизводства литературного текста формировалось на протяжении длительного времени, но важнейшим периодом в ее становлении стали 1920 – 1930-е годы, когда литературное, культурное и интеллектуальное пространства в советской России были подвергнуты постепенной, но последовательной унификации, что вылилось в признание метода социалистического реализма как единственно верного и правильного. Это привело не только к унификации литературного пространства, но также его политизации и идеологизации. С установлением в СССР тоталитарного политического режима русская литература была поставлена на службу государственной идеоло-

гии, будучи вынужденной выполнять политический заказ, связанный в том числе в формированием особой советской идентичности и воспроизводством лояльности советскому политическому режиму. Таким образом, утвердилась жесткая взаимосвязь и зависимость между русской литературой и советским государством, которое не создавало условий для национальной самореализации молчаливого большинства. Именно поэтому национальное из политической сферы постепенно переместилось в сферу культуры, в первую очередь – русской литературы.

Развитие советской русской литературы в 1920 – 1930-е годы¹ отражает противоречивые процессы формирования советской русской идентичности и лояльности.

В 1920-е годы начала формироваться новая география действия литературного произведения, связанная с принципиально новым характером той социально-экономической модели, которая выстраивалась новыми политическими элитами. На смену традиционной литературной географии дореволюционной русской прозы, когда действие протекало в купеческих или интеллигентских домах, крестьянских усадьбах и поместьях пришла новая география, системообразующими координатами которой стали заводы, фабрики и прочие индустриальные объекты, которые пришли на смену старой России, где «три дня пьянство, четыре опохмеля, неделя вся в тумане идет»². В частности один из рассказов Николая Ляшко («Первое красное знамя», 1923) и вовсе начинался с описания «механической», где «шла получка». Новый мир, основанный на доминировании техники, поражает своей агрессивностью, напором, готовностью отвергнуть и уничтожить все старое. Символом нового мира становится процесс почти непрерывного производства, на смену традиционной поэтике и лирике приходит новый тип поэтики – поэтики станка, лирики конвейера: «грязнул третий гудок. Зашушукали ремни, заворчали переборы, шестерни зазвенели... из-под резцов брызнула медь, черным снегом повалили хлопья чугуна, шуршащими стружками заерзало железо». Этот новый, нарождающийся индустриальный мир противостоял старой отмирающей России, где «лиловатая, влажная, до глади утопанная дорога пружинила», а от ворот «расходились торговки, в лавчонках стоял гомон, в пивных голосили гармоники». В подобной ситуации постепенно приходили в упадок старые традиционные русские города: «город ушел в кирпичный завод, потом выпрыгнул, промелькал макушками церковей и окончательно скрылся за насыпью»³. В этом временном сосуществовании двух России первая постепенно утрачивала свои позиции, будучи не в состоянии конкурировать с новой, агрессивной и

унифицированной, серийной Россией склонной к принудительной урбанизации, связанной с ней проводимой сверху модернизации.

На протяжении 1920-х годов усилиями советских русских писателей культивировалась и новая русская идентичность, которая противостояла старой традиционной, но тоже русской, идентичности. В конце 1910-х годов, в связи с революционными переменами в России, русская идентичность столкнулась с чрезвычайно серьезными внутренними вызовами, что привело к отражению кризисных тенденций в литературе. Литературный герой на некоторое время утратил некий нравственный стержень, превратившись в человека без самосознания – классового, социального, национального. Это достаточно хорошо отражено в пьесе К. Тренева «Жена», где один из героев, комментируя метаморфозы, которые произошли с человеком в Советской России, говорит, что «всякий человек – скрытый жулик... и ко всякому человеку надо подходить с обвинением»⁴. В подобной ситуации выработка и формирование новой относительно устойчивой и стабильной идентичности была просто невозможна, что делало ее чрезвычайно подверженной изменениям и податливой воздействиям со стороны властей.

Среди героев рассказа «Отваги зарево» Артема Веселого мы находим фанатически преданного делу революции, свято в нее верящего комиссара Егора Ковалева, который не только «был малограмотен. Грамотных не любил и в каждом из них подозревал предателя», но и лично принимал участие в расстрелах: «Егор... подбежал к ней вплотную ... и всадил в ее седую голову две пули из своего нагана, и, вытерев рукавом бороду, сказал: “Храбрая, стерва”». Позднее он же «оттяпал изменнику сперва руки, потом ноги, потом голову»⁵. В подобной ситуации усилиями некоторых русских советских писателей в новой литературе утвердился не только культ социально и революционного оправданного насилия, но и неприятия всех форм инаковости и дружности.

Революционная идентичность, основанная на вере в то, что «революция была не судьба, а гневная народная воля»⁶, а также на попытках ее легитимации в виде наделения историей (чем, например, занимался Вячеслав Шишков – автор одного из первых советских исторических романов «Ватага»⁷, написанных в 1923 году и посвященных идеологически правильной теме – истории партизанского движения и борьбы с контрреволюцией в Сибири), в русской литературе между двумя мировыми войнами не была единственной.

На противоположном полюсе находилась старая идентичность жителя города, а в значительной степени традиционная крестьянская

идентичность, центральным и системообразующим элементом которой был индивидуализм. Глеб Алексеев, в частности, обличал тех героев, которые не могли стать «строителями новой жизни», но «заблудились в тине мещанских предрассудков»⁸. Литература 1920 – 1930-х годов еще знала героев, которые могли быть не только пламенными революционерами и романтиками. В рассказе Е. Багриновской «Живые шахматы» предстает инженер Зиллер – герой иной, вовсе не революционной, формации, которого «интересовали только вопросы канализации, собственной карьеры и спорта». На противоположном полюсе таким персонажам находились те, которые в семнадцать лет «занимались физкультурой и марксизмом»⁹. Кризис идентичности в прозе 1920- 1930-х годов испытывали и герои-горожане. В этом отношении ломка традиционной идентичности горожан протекала медленно, а на подсознательном уровне они противились принудительной модернизации в форме советизации и были совершенно не готовы отказаться от буржуазных благ обустроенной городской жизни во имя идеи революции.

В контексте кризиса и порой распада русской идентичности в Советской России отражением этого процесса стала попытка В.Я. Шишкова отразить региональные версии русской идентичности, что не получило в 1920 – 1930-е годы значительного развития. Русских авторов в гораздо большей степени интересовали проблемы становления новой идентичности и культуры, которые были порождены революционными переменами. В этом отношении тексты бытописателя В.Я. Шишкова (путевые очерки «По Чуйскому тракту»¹⁰, а также многочисленные рассказы¹¹) со значительным этнографическим колоритом казались если не контрреволюционными, то архаичными и маргинальными (примечательно и то, что эти не совсем советские тексты были концептуально объединены и вышли одним изданием только в 1986 году, то есть во второй половине 1980-х, когда отношение к русской идентичности в РСФСР начинает меняться с негативного на позитивное), особенно – на фоне постепенно утверждавшейся монополии социалистического реализма в качестве единственно правильного и верного метода отражения действительности.

Кроме этого на фоне кризисных тенденций показательна фигура профессора-историка Ракутина в рассказе Николая Колоколова «Полчаса холода и тьмы» – человека «не очень яркого на кафедре», но верящего в то, что «настоящего, в сущности, нет, мы его ежечасно теряем, оно всегда – убывающее прошлое и пребывающее будущее». Ракутин, как и другие герои Н. Колоколова, стали жертвами «социального переворота» и повисли «над великой пропастью, над кажущимся

зияющим разрывом между прошлым и будущим». Именно поэтому старый историк был не в состоянии приспособиться к новому миру, в котором «каждый день обрывал корни», которые связывали его с прошлым. На противоположном полюсе ему находился его сын, который ушел в Красную Армию от... тоски, от того, что «с детства видел очень мало жизни, но очень много книг». Рассказ Н. Колоколова появился тогда, когда цензура еще не столь усердно контролировала литературу. Поэтому в уста профессора Ракутина, убежденного в том, что «никогда и ни одна стране не подпадет под власть правительства, сплошь состоящего из людей лишенных выдержки и живущих настроением минуты», он вложил в определенной степени антисоветские мысли о том, что «этот нелепый переворот украл у страны ее планомерное будущее, он ограбил историю». Диагноз, который Ракутин ставит новой нарождающейся системе, неприятен – «пришли люди без прошлого и без будущего, будто со стороны. их взор пленен нынешним днем. Они насилуют историю, рвут незрелые плоды»¹². Тексты Н. Колоколова не совсем успешно вписывались в советский литературный дискурс, который в то время уже начал подвергаться значительной идеологизации, неизбежно влекущей за собой унификацию в форме насаждения метода социалистического реализма. В этом отношении Н. Колоколов, с одной стороны, в большей степени чем другие его современники продолжал традиции русской литературы, с другой, он, вероятно, сам того не понимая, озвучивал протестные настроения против столь радикальной ломки русской идентичности, которая имела место в 1920 – 1930-е годы.

Сложности ломки крестьянского самосознания отражены в рассказе Александра Неверова «Красноармеец Терехин», один из героев которого представлял свою жизнь исключительно в традиционной для крестьянина системе координат: «вот как рисовалось ему будущее: живет он за отцом, исполняет отцовскую волю. Потом отойдет от отца, будет вести свою линию. Дадут ему лошадь, может быть, пару овец. Не лошадь, так коровенку. Выселят... на свободный пустырь, и он, молодой хозяин, будет класть копеечку, рано подниматься, поздно ложиться. Лет через двадцать состарится... выпустит своих сыновей»¹³. Подобное мировоззрение было чрезвычайно устойчивым, а его потенции и способность противостоять переменам, проводимой принудительно модернизации, таились именно в его традиционности. Существование старой традиционной русской идентичности осложнялось и тем, что она была вынуждена противостоять новой, массовой и серийно воспроизводимой, искусственно насаждаемой, советской идентичности.

Универсальной формой отношения различных версий русской идентичности в советской литературе был конфликт, перманентное столкновение старой и новой России, что, например, отражено в рассказе Б. Лавренева «Комендант Пушкин», в котором герой, новый человек, рожденный и созданный революцией, представитель поколения почти одинаковых людей, универсальным документом для которых является мандат, а единственной правильной и верной идентичностью – идеи преданности революции, невольно сталкивается со старой Россией: «военмор резко останавливается... лицо его темнеет от внезапного толчка крови... он кладет, почти бросает чемодан к ногам... переводит глаза на гранит. На партийном билете он видит: АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ПУШКИН. На полированном граните: АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН. Военмор произносит вслух оба текста... Александр Семенович Пушкин оглядывается. Сад пуст. Только они вдвоем – бронзовый юноша и военмор в кожаной куртке». С другой стороны, конфликт различных версий русской идентичности имеет и другие формы. Пушкинская поэзия для революционера начала XX века кажется безнадежно устаревшей и архаичной: «стихи читались с трудом. Слог их был непривычен и малопонятен, слова скользили и убегали от сознания»¹⁴.

Конфликтность различных идентичностей была порождена и той принудительной, форсированной модернизацией, в которой были вынуждены участвовать представители преимущественно традиционного уклада, характер мыслей которых описан словами одного из героев Л. Сейфуллиной: «нет у тебя убеждений, потому что нет знаний. И говоришь ты черт знает каким языком»¹⁵. Аналогичные мотивы мы находим и в словах одного из героев Александра Неверова («жизнь другая! Трудно языком сказать, не могу. Держаться за нее надо, не выпускать»¹⁶), что свидетельствует как о конфликте различных идентичностей, так и об объективной неготовности носителей традиционной идентичности, представленной русским крестьянством, принять советский, по факту – модернистский, политический проект. В этом контексте для писателей 1920 – 1930-х годов особое значение имели поиски компромисса между различными формами идентичности и попытки синтезировать две диаметрально противоположные и отличные друг от друга версии русского сознания, основанные, с одной стороны, на верности русской классической культурной традиции, а, с другой, революции – тоже русской, но, правда, чрезвычайно разрушительной и агрессивно насаждавшей новую идентичность.

В 1920-е годы усилиями первых советских писателей, форматоров официального литературного дискурса, создавался и образ Друго-

го, как правило, выдержанный в социально-идеологических тонах. Первыми универсальными Другими в русской советской литературе стали недавние противники многих первых советских писателей – белые офицеры. В рассказе «Красный день» Вс. Иванова предпринята попытка показать обреченность белого офицера как побежденного классового врага, который «достал из кобуры свой новый револьвер и выстрелил себе в рот»¹⁷. Самоубийство белого офицера в советской литературе 1920-х годов имело особое, почти – символическое, значение. С одной стороны, советские русские авторы таким образом стремились актуализировать бесперспективность и нежизнеспособность альтернативных советскому проектов. С другой, они в определенной степени стремились снять с себя ответственность за жертвы гражданской войны, культивируя образ белого офицера как самоубийцы, но не как жертвы красного террора.

Одну из первых попыток теоретического и синтетического осмысления образа Другого в советской русской литературе в 1930-е годы предприняла Лидия Сейфуллина в рассказе «Таня» (1934): «Танин мир был определен. Он делился на два лагеря: своих и чужих. Свои – те, с кем выросла Таня. Чужие... общеизвестные враги “своих” – капиталисты Европы и Америки, вредители в СССР... “свои” были без единого изъяна, всегда правы, враг жесток»¹⁸. Лидия Сейфуллина с тщательностью убежденного и правоверного конструктивиста в середине 1930-х годов сделала очень много для формирования и дальнейшего воспроизводства и идеологического обслуживания советского мифа, основанного на восприятии мира как искусственно разделенного пространства, в котором существуют противоборствующие блоки, в основе противостояния которых лежит идеология. Главным и, вероятно, системообразующим критерием для отнесения / неотнесения к Другим была чуждость, несопоставимость и несоответствие с идеальными воображаемыми концептами самости, новой советской идентичности. В силу того, что в этой формирующейся идентичности одну из ведущих ролей играла идеология, поэтому концепты инаковости нередко воображались в политических, классовых категориях. «Другими» могли быть не только представители враждебных классов, но и целые страны, которые тоже воспринимались как идеологически чуждые. В частности, в «Родионе Жукове» (1925) Валентина Катаева Румыния – «чужая земля» – предстает как «бесполезная воля, широка и горька»¹⁹.

Большинство образов инаковости, однако, имело российские истоки. Например, Ольга Форш в 1923 году отметилась образом полицейского Сверчука, который панически боялся «Марсельезы». При

этом советские авторы стремились разорвать с традициями старого, дореволюционного русского национализма. Например, та же О. Форш весьма критически описывала демонстрации «гимназистов и барышень с русскими и французскими флагами», негативно оценивая рост национализма в период первой мировой войны, который вылился в то, что «знакомые из Стендеров» неожиданно стали «вдруг Подставочными»²⁰. Аналогичные мотивы мы находим и в образах играющих детей у Валентина Катаева, когда в пылу игры раздаются крики: «Молчи, макака, япошка несчастный»²¹. Категории инаковости и неправильности в советской литературе 1920 – 1930-х годов в большей степени имели социальные и идеологические, а не национальные основания. Иными словами на статус универсальных и неизбежных Других претендовали представители социально чуждых и враждебных классов, которые не поняли и не приняли революцию.

Советские писатели между двумя мировыми войнами не жалели красок, создавая не только отталкивающие, но и в значительной степени издевательские образы классового врага. В связи с этим активно использовались языковые методы. Советские русские авторы акцентировали внимание на том, что нередко классовые враги преобладали среди нерусских, например, украинцев. В повести Федора Гладкова «Зеленя» классовый враг не говорит на русском языке: «Ехим радостно завыл и схватил Титку за грудь. “Ото ж вин... Тытко! Хотив вбыты мене... Ото ж... Бачьте, одняв винтовку в мене... Большевык, бачьте!” “А ты кто такой?”. “Казак... Ехим Топчий”. “А этот?”. “Городовик... з окопов тикав. Сховавсь у нашому закути... Почав бигты... а я его пиймав”». В аналогичных категориях описывались и черкесы: «подошел черкес и толкнул его прикладом. “Испальной прыказ! Снимай сапог, тарабар-шаровар!”... Черкес рассвирепел и ударил его прикладом в спину. “Санымай, балшавик-собака”». Примечательно и то, что офицер обращается к своим подчиненным черкесам не иначе как «азиаты»²².

С другой стороны, украинцы в прозе 1930-х годов могли выступать и в качестве положительных героев-большевиков, но при обязательном условии их подчиненного положения и неформального статуса младших братьев. В этом контексте снисходительное и пренебрежительное отношение к ним проявлялось в языке: они не говорят ни на правильном украинском, ни тем более – русском. Например, во «Взятии Акимовки» Всеволода Вишневского условно украинские герои изъяснялись так: «“Кажись, люди добры, де здесь бильшовыки?”. “Мы будемо, диду”. “Вы? Добре”»²³. В подобной ситуации культивировался негативный образ Украины и украинца (и тем более, Кавказа

и кавказца) не только как врага революции, но и как простенького малоросса, необразованного провинциала и дикого провинциала-азиата. С другой стороны, латентно развивался нарратив о невозможности самостоятельного развития Украины без руководящей роли прогрессивной и революционной России.

Преобладание преимущественно социально и идеологически выверенных образов Другого не означало отсутствия национально маркированных описаний Других в ранней советской литературе. Среди героев рассказа Александра Фадеева «Рождение Амгуньского полка» (1923 – 1934) – «горячий, неутомимый латыш»²⁴, верящий, что вернется в Латвию с охваченного революцией и частично оккупированного японцами российского Дальнего Востока. В некоторых текстах А. Неверова нерусские, вчерашние инородцы, выступают в качестве некоего фона окопной жизни («похрапывающих чуваш с голыми пятками, молодых татарчат с круглыми обросшими головами»²⁵) русского крестьянина, который, сам того не понимая, оказался в Красной Армии. Этот «инородческий» ареол, некий постколониальный фон, в русской советской прозе возник неслучайно, а был связан со старым имперским наследием, которая Советская Россия получила от Российской Империи.

В «Шакире» (1922) Дм. Фурманова мы находим описание татарина: «из толпы выделилась фигура татарина: зипунишко, лапти, обычная татарская шапка... Дыры, лоскутья, клочья, заплаты... Усы моржовые – темно-рыжие, мокрые. Глаза чуть видно – моргают, слезятся». В этом описании однако нет какой бы то ни было национальной неприязни, а сами татары, вчерашние инородцы, предстают как естественная составная часть многоликого и многонационального советского города. С другой стороны, наоборот, для первых советских авторов имело принципиальное значение акцентировать внимание на социальной солидарности передовой русской интеллигенции и нерусских народов. Кроме этого в ранней советской литературе отражена и направляющая роль русских в деле приобщения, например – тех же татар, к коммунистической идеологии: в рассказе «Шакир» образ В. Ленина для татарина, по определению Дм. Фурманова, «темнейшего человека»²⁶, звучит как нечто совершенно непонятное, но мистически радостное. Аналогичные мотивы мы находим и в «Бегстве» Ивана Меньшикова, где четко просматривается руководящая роль «неспокойных людей» с «Руси», которые учили ненцев тому, что «в царское время богачам, кулакам и шаманам хорошо в тундре жилось, а батракам, беднякам и середнякам худо. Советская власть по-другому сделала. Она батракам, беднякам и середнякам хорошую жизнь делать

помогает»²⁷. В этом контексте русская советская литература уже в 1920-е годы начала играть одну из ведущих ролей не только в культивировании лояльности нерусских народов, но и развития у них комплекса неполноценности, прививании неуверенности в собственных силах без руководящей роли русских.

Советская русская литература 1920 – 1930-х годов сыграла особую роль в формировании новой версии русской идентичности, которую, вероятно, следует определять как советскую. На протяжении двух десятилетий между мировыми войнами в сфере культуры в РСФСР произошли значительные изменения. Культурное пространство, в том числе – литература, были подвергнуты значительной и чрезвычайно жесткой идеологизации. Литература была унифицирована, а в качестве единственно верного и правильного метода был признан социалистический реализм. В результате в рамках русской советской литературы сложился уникальный синтез, в основе которого лежали различные элементы. Основу новой русской советской литературы составили произведения, созданные новым поколением не только русских, но уже и советских писателей.

Именно поэтому подобная литература базировалась на попытке синтеза идей русскости и советскости. От первой советская русская литература унаследовала русский язык и некоторую преемственность с русской дореволюционной литературой, от второй – значительный уровень идеологизации, интерес к революционной и классовой борьбе, склонность к намеренной политизации художественного текста. На протяжении 1920 – 1930-х годов русским советским писателям удалось заложить основы русской советской идентичности, в первую очередь – политической, идеологически выверенной и отформатированной, и только во вторую – русской и национальной. Именно поэтому развитие русской советской идентичности в последующие годы ее существования было отмечено сочетанием идей как русскости, так и советскости, что в русской советской литературе второй половине XX века обрело новые формы, о чем речь пойдет в последующих разделах настоящего исследования.

¹ О развитии русской советской прозы в 1920-е и 1930-е годы существует значительная научная литература. В ряде работ представлена идеологически выверенная советская версия истории. См.: Боровиков С. Первое десятилетие русского советского рассказа / С. Боровиков // Антология русского советского рассказа (20-е годы) / сост., вступит. статья, прим. С. Боровиков. – М., 1985. – С. 6 – 22; Боровиков С. Страницы новой эпохи / С. Боровиков // Антология русского советского рассказа (30-е годы) / сост., вступит. статья, прим. С. Боровиков. – М., 1986. – С. 5 – 10; Ткаченко Н. О великом подъеме / Н. Ткаченко // Глубокая борозда. Русская деревня в прозе 20 – 30-х годов. Рассказы / сост., вступит. статья, прим. Н. Ткаченко. – М., 1987. – С. 5 – 15.

² Яковлев А. Жгель / А. Яковлев // Антология русского советского рассказа (20-е годы) / сост., вступит. статья, прим. С. Боровиков. – М., 1985. – С. 100 – 130.

-
- ³ Ляшко Н. Первое красное знамя / Н. Ляшко // Антология русского советского рассказа (20-е годы). – С. 23 – 29.
- ⁴ Тренев К. Жена / К. Тренев // Недра. Литературно-художественный сборник. – М., 1929. – Книга 15 (III). – С. 5 – 93.
- ⁵ Веселый А. Отваги зарево / А. Веселый // Антология русского советского рассказа (20-е годы). – С. 201 – 208.
- ⁶ Неверов А. Красноармеец Терехин / А. Неверов // Глубокая борозда. Русская деревня в прозе 20 – 30-х годов. Рассказы / сост., вступит. статья, прим. Н. Ткаченко. – М., 1987. – С. 16 – 23.
- ⁷ Шишков В.Я. Ватага / В.Я. Шишков // Шишков В.Я. Чуйские были. Роман. Очерки. Рассказы / В.Я. Шишков. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1986. – С. 5 – 140.
- ⁸ Алексеев Г. Внезапный день / Г. Алексеев // Недра. Литературно-художественный сборник. – Книга 15 (III). – С. 125 – 134.
- ⁹ Багриновская Е. Живые шахматы / Е. Багриновская // Недра. Литературно-художественный сборник. – Книга 15 (III). – С. 147 – 189.
- ¹⁰ Шишков В.Я. По Чуйскому тракту (путевые очерки) / В.Я. Шишков // Шишков В.Я. Чуйские были. Роман. Очерки. Рассказы / В.Я. Шишков. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1986. – С. 142 – 195.
- ¹¹ Шишков В.Я. Холодный край / В.Я. Шишков // Шишков В.Я. Чуйские были. Роман. Очерки. Рассказы / В.Я. Шишков. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1986. – С. 202 – 212; Шишков В.Я. Чуйские были / В.Я. Шишков // Шишков В.Я. Чуйские были. Роман. Очерки. Рассказы / В.Я. Шишков. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1986. – С. 233 – 252.
- ¹² Колоколов Н. Полчаса холода и тьмы / Н. Колоколов // Недра. Литературно-художественный сборник. – Книга 15 (III). – С. 199 – 234.
- ¹³ Неверов А. Красноармеец Терехин. – С. 16.
- ¹⁴ Лавренев Б. Комиссар Пушкин / Б. Лавренев // Антология русского советского рассказа (30-е годы) / сост., вступит. статья, прим. С. Боровиков. – М., 1986. – С. 88 – 120.
- ¹⁵ Сейфуллина Л. Таня / Л. Сейфуллина // Антология русского советского рассказа (30-е годы). – С. 166 – 183.
- ¹⁶ Неверов А. По-новому / А. Неверов // Глубокая борозда. Русская деревня в прозе 20 – 30-х годов. Рассказы. – С. 24 – 29.
- ¹⁷ Иванов Вс. Красный день / Вс. Иванов // Глубокая борозда. Русская деревня в прозе 20 – 30-х годов. Рассказы. – С. 128 – 135.
- ¹⁸ Сейфуллина Л. Таня. – С. 167.
- ¹⁹ Катаев В. Родион Жуков / В. Катаев // Антология русского советского рассказа (20-е годы). – С. 94.
- ²⁰ Форш О. Марсельеза / О. Форш // Антология русского советского рассказа (20-е годы). – С. 30 – 36.
- ²¹ Катаев В. Родион Жуков. – С. 75 – 99.
- ²² Гладков Ф. Зелень / Ф. Гладков // Антология русского советского рассказа (20-е годы). – С. 183 – 200.
- ²³ Вишневский В. Взятие Акимовки / В. Вишневский // Антология русского советского рассказа (30-е годы). – С. 84 – 86.
- ²⁴ Фадеев А. Рождение Амгуньского полка / А. Фадеев // Антология русского советского рассказа (20-е годы). – С. 152 – 182.
- ²⁵ Неверов А. Красноармеец Терехин. – С. 22.
- ²⁶ Фурманов Дм. Шакир / Дм. Фурманов // Антология русского советского рассказа (20-е годы). – С. 37 – 40.
- ²⁷ Меньшиков И. Бегство / И. Меньшиков // Глубокая борозда. Русская деревня в прозе 20 – 30-х годов. Рассказы. – С. 396 – 398.

МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТЬЮ И СОВЕТСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТЬЮ: ЛАТЫШСКАЯ ИСТОРИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

История играет одну из ведущих ролей в развитии национализма. История может быть проанализирована как фактор сохранения национальной идентичности в регионах, которые не имеют государственного суверенитета. Латвийская ССР была одной из союзных республик Советского Союза, принудительно интегрированной в 1940 году. Исследования латышской истории в советский период были связаны с развитием идентичности. С другой стороны, в рамках советской латышской историографии существовали официальные и национальные тренды.

Ключевые слова: Латвийская ССР, историография, латышский национализм

A History plays one of leading roles in development of nationalism. History can be analyzed as factor of national identity saving in regions which were not able to save state sovereignty. Latvian SSR was one of the Soviet republics of Soviet Union forcedly integrated in it in 1940. Latvian history studies in the Soviet period were closely connected with development of identity. On the other hand, official and national trends coexisted in Soviet Latvian historiography.

Keywords: Latvian SSR, historiography, Latvian nationalism

Історія грає одну з провідних ролей в розвитку націоналізму. Історія може бути проаналізована як чинник збереження національної ідентичності в регіонах, які не мають державного суверенітету. Латвійська РСР була однією з союзних республік Радянського Союзу, примусово інтегрованої в 1940 році. Дослідження латиської історії в радянський період були пов'язані з розвитком ідентичності. З другого боку, в рамках радянської латиської історіографії співіснували офіційні і національні тренди.

Ключові слова: Латвійська РСР, історіографія, латиський націоналізм

Советский Союз относился к числу авторитарных государств, в существовании и функционировании которого особую роль играла коммунистическая идеология, которая оказывала влияние на все сферы жизни, в том числе – и на развитие гуманитарных наук. На протяжении существования Советского Союза исторические исследования в союзных республиках представляли собой форму проявления национальной идентичности. Лишенные возможности заниматься политической деятельностью представители национальных интеллигенций в различных союзных республиках активно использовали исторические исследования для укрепления и культивирования национальной идентичности того сообщества, к которому они принадлежали. Не являлась исключением и Латвийская ССР, которая относительно поздно, в 1940 году, стала частью Советского Союза. Исторические исследования в Латвийской ССР, как и в других республиках, были самым

тесным образом связаны с развитием идентичности. В центре авторского внимания в настоящей статье будут проблемы развития исторического воображения в советский период в Латвийской ССР.

В негласной иерархии, которая существовала между республиками, входившими в состав СССР, союзные республики обладали правом написание многотомной истории. История была одной из дозволенных форм публичного «вывешивания» национальной и политической идентичности той или иной союзной республики. Комментируя подобные процессы публичного воспроизводства идентичности, М. Биллиг подчеркивает, что «нам постоянно напоминают, что “мы” живем в “нациях”»: нашу идентичность постоянно “вывешивают” перед нами. И все же такое “вывешивание” не может ограничиваться флагом, висящим на общественном здании, или национальной эмблемой – белоголовым орланом или куницей, – нанесенной на монеты. “Национальная идентичность” – это условное обозначение целого ряда привычных представлений о нации, мире и “нашем” месте в нем»¹.

Немецкий исследователь Р. Линднер подчеркивает, что во все эпохи и в каждом обществе историография подчиняется политике². Не является исключением и исторические исследования в Советской Латвии. Латышские интеллектуалы предприняли попытку наделения Латвийской ССР историей относительно рано: первый том из трехтомной «Истории Латвийской ССР» вышел спустя двенадцать лет после создания самой Латвийской ССР, что было для советской эпохи быстро, если принять во внимание довоенные репрессии, войну и послевоенное преследование национальной интеллигенции. С другой стороны, процесс написания «Истории» растянулся: если первый том вышел в 1952 году, то последний (третий) – в 1958 году, когда уже сменилась политическая конъюнктура.

История и исторические исследования традиционно играют особую роль в формировании национализма и в развитии национальной идентичности. Американский исследователь Дж. Фридмэн подчеркивает, что «история историков является и их идентичностью»³, указывая на важность изучения роли националистически ориентированных интеллектуалов в использовании прошлого во имя развития национальной идеи. Британский классик исследования национализма Э. Смит полагает, что «история национализма – это в такой же степени история тех, кто о нем повествует». Историки, действительно, играют «выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма». Историки, по мнению Э. Смита, «внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах... историки, наряду с фило-

логами, самыми разными способами подготовили рациональные обоснования и хартии наций своей мечты». Анализируя настоящую тематику, во внимание следует принимать и другое заключение британского исследователя о том, что «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования»⁴.

Трехтомная «История Латвийской ССР» несет на себе все родовые травмы советской историографии: доминирование социально-экономической истории, игнорирование политической и культурной истории, значительная идеологизация текста, принудительная интеграция прошлого в советский канон. К подготовке текста «Истории» были допущены те латышские авторы, в лояльности которых советский режим не сомневался – в состав редакционной коллегии вошли К. Страздиньш, Я. Зутис, Я. Крастиньш и А. Дризулис. Первый на момент начала реализации проекта (1952 год) являлся директором Института истории и материальной культуры АН Латвийской ССР и действительным членом АН Латвийской ССР, второй и третий – действительными членами АН ЛССР и лауреатами Сталинской премии и только четвертый (А. Дризулис) занимал наименьшие позиции в советской иерархии, являясь только кандидатом наук. С другой стороны, верность последнего коммунистическому режиму была несомненной и его появление в составе редакционной коллегии не должно вызывать удивления: спустя несколько лет именно А. Дризулис станет одним из наиболее ортодоксально настроенных и верных Москве историков Латвийской ССР.

«История Латвийской ССР», три тома которой были опубликованы в 1950-е годы, в целом глубоко интегрирована в советский контекст. Британский исследователь Д. Томпсон в первой половине 1960-х годов подчеркивал, что в эпоху национальных государств история обречена быть националистической⁵. Подобно универсальному доминированию национализма, в авторитарных и недемократических обществах история является отражением доминирующей политической идеологии. Написание истории было подчинено доминировавшей в советской историографии социально-экономической схеме. Поэтому первый том «Истории» открывался очерком о «первобытно-общинном строе на территории Латвийской ССР». С другой стороны, в тексте «Истории» заметно стремление авторов принизить роль собственно латышей, показав прогрессивное русское влияние: в частности, возникновение элементов государственности у латышских племен объяснялось влиянием со стороны «передовой культуры славянства» Киевской Руси, которая определялась как «могучий фактор прогрессивного

развития народов Восточной Прибалтики»⁶. Хотя во второй половине 1940-х годов некоторые латышские авторы утверждали, что древние латышские племена «жили свободно» и «не были поработаны другими народами»⁷. Позднее (в начале 1970-х годов) латвийские историки предпочитали использовать более нейтральные формулировки, хотя по-прежнему продолжали писать об «огромном культурном воздействии Древнерусского государства»⁸.

Культивируя зависимость от Востока и прививая латышам комплекс национальной неполноценности, в начале 1950-х годов наиболее идеологизированные историки шли и на искажение исторических фактов, усиленно культивируя нарратив о том, что русско-латышские связи в прошлом имели исключительно «мирный характер»⁹. В авторитарных и недемократических обществах «дискурс истории, подобно мифу, представляет собой и дискурс идентичности»¹⁰. С другой стороны, авторитаризм самым существенным образом искажает и деформирует сами процессы формирования и проявления национальной идентичности. Именно поэтому усилиями наиболее одиозной части латышского интеллектуального сообщества в период советской оккупации культивировалась идея о том, что своим существованием латыши обязаны исключительно русским. Во второй половине 1940-х годов Я. Крыстиньш подчеркивал, что «не будь помощи русских латышскому народу угрожала бы опасность быть уничтоженными немцами: только с помощью русского народа они отстояли свою народность и культуру»¹¹.

Аналогичные «русские» нарративы¹² в латышской исторической памяти усиленно насаждались на протяжении всего периода советской оккупации. По мнению Д. Томпсона, в представлениях о прошлом отражается современное состояние того или иного общества¹³. Именно поэтому в условиях советской оккупации латышские интеллектуалы на прошлое проецировали советские реалии, активно культивируя нарратив о прогрессивном русском влиянии. В начале 1970-х годов, например, подчеркивалось, что «совместная борьба прибалтийских народов и великого русского народа укрепила их историческую дружбу и сознание общности интересов в борьбе с иноземными захватчиками»¹⁴. Наличие подобных нарративов в советском историческом воображении (а нации, как полагает Энтони Смит, «создаются в историческом воображении»¹⁵) свидетельствует о попытках со стороны историков 1970-х годов навязать современную для их времени политическую идентичность и лояльность отдаленному прошлому, прививая при этом латышам и комплекс неполноценности, который про-

явился в фактическом признании невозможности самостоятельного и независимого исторического развития.

Авторы первого тома «Истории Латвийской ССР» уделили особое внимание Киевской Руси, дав краткий очерк ее истории¹⁶, что было своеобразной формой «привязывания» исторического процесса в Латвии к России. Кроме этого карты первого тома¹⁷ сводили Латвию исключительно к периферии соседнего государства. Объективно история, как полагает Дж. Фридмэн, пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности¹⁸. Подобное предположение почти неприменимо к интеллектуальной истории Латвии советской эпохи, когда латышские лояльно настроенные в отношении Москвы интеллектуалы культивировали не национальные, а, наоборот, пророссийские версии истории. На протяжении всего периода советской оккупации для латышских историков был характерен нарратив об особой мессианской роли России в истории Европы: в начале 1970-х годов создание Русского централизованного государства позиционировалась как едва ли не самое прогрессивное событие своего времени¹⁹. История, как полагает Дж. Фридмэн, является представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент²⁰. В условиях советской оккупации Латвии, вероятно, наибольшие сложности в выработке и проявлении идентичности на публичном, академическом, уровне были связаны именно с адаптацией исторической памяти к политическим условиям «настоящего момента», важнейшими характеристиками которого были доминирование чуждой коммунистической идеологии и отсутствие политической независимости. Настроения, аналогичные тем, о которых речь шла выше, доминировали и при анализе событий, связанных со включением Видземе в состав России: «этот процесс означал восстановление государственных связей латышского народа с великим русским народом, насильственно прерванных вторжением немецких феодалов»²¹. С другой стороны, национально ориентированные латышские авторы не упускали возможности упомянуть и того, что в России латыши подвергались национальному угнетению²².

В целом латышскими историками подчеркивалось то, что присоединение Латвии к России имело не только «прогрессивное значение», но и ускорило «сближение латышского народа с великим русским народом и укрепило исторически сложившуюся дружбу между народами Восточной Прибалтики... присоединение территории Латвии к России способствовало приобщению латышского народа к богатейшей сокровищнице культуры русского народа»²³. Культивирование

подобного нарратива имело принципиальное значение для поддержания советской политической идентичности, которая признавала статус государственной нации почти исключительной за русским народом, в то время как жители союзных республик были вынуждены довольствоваться статусом «младших братьев» в негласной советской национальной иерархии.

Советская модель исторического знания была очень консервативной. Комментируя эту ее особенность, немецкий историк Р. Линднер подчеркивает, что до распада СССР не менялись содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории²⁴. Именно поэтому на всем протяжении советской оккупации историография Латвийской ССР была узкосфокусирована на определенном наборе тем, занятие которыми не вызывало сомнений в лояльности историков у представителей власти. Во втором томе трехтомной «Истории Латвийской ССР» почти ритуальный характер обрели декларации о том, что большинство деятелей латышской культуры прошлого выступали за развитие связей с «прогрессивной культурой» русских. Например, Андрейсу Пумпурсу приписывалось то, что он в своих текстах культивировал веру в «помощь русского народа»²⁵. Аписишу Екабс позиционировался как автор, писавший под влиянием исключительно русской литературы²⁶. Усилиями лояльных историков Россия в историческом воображении начала 1950-х годов начала играть роль ведущего фактора в латышской истории: «длившаяся веками борьба русского народа против иноземных захватчиков должна расцениваться как один из главных факторов в истории латышского народа»²⁷. Объективно история, как и любая другая история, «пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа»²⁸. Именно поэтому лояльные Москве латышские интеллектуалы оказались в неудобном положении, когда были вынуждены анализировать события в истории Латвии, которые последовали после включения латышских земель в состав России, что не привело к улучшению положения латышей. В подобной ситуации латышские авторы продолжали прославлять «братский русский народ», критикуя политику царизма, периодически упоминая о том, что российскими властями в Латвии «родной язык был запрещен, что тормозило развитие грамотности и культурного уровня латышского народа»²⁹. Комментируя особенности российского периода в истории Латвии, латышские интеллектуалы подчеркивали, что «реакционная политика царизма не имела своей целью развитие культуры латышей»³⁰, а «латышский народ страдал от гнета самодержавия»³¹.

Применение истории не ограничивается изучением только прошлого. История может стать, в зависимости от ситуации, важным политическим фактором³². Восприятие истории может стать причиной мобилизации, легитимации, политизации национальной идентичности. В подобной ситуации протекает не только общественное конструирование исторических восприятий и идентичностей, но и формирование идентичности в рамках интерпретации исторических событий. Первый том «Истории Латвийской ССР» представлял собой и форму полемики с идеологическими оппонентами советских историков – латышских «буржуазных националистов»³³. Актуальность этой полемики была связана с тем, что к 1950-м годам советская идеологически выверенная схема латышской истории отсутствовала и лояльные Москве латышские интеллектуалы были вынуждены утверждать новую схему, отрицая теоретические разработки своих предшественников по самому широкому кругу вопросов – от развития археологии³⁴ до проблем формирования латышской нации³⁵. Достижения историков Латвийской Республики и эмиграции отрицались, а отношение к ним в Латвийской ССР сводилось к следующему: «латышские буржуазные историки – А. Швабе, Ф. Балодис, А. Тентелис и другие фальсифицировали историю, всячески искажали, замалчивали и отрицали прогрессивную роль присоединения Латвии к России»³⁶. В 1950-е годы, в условиях сохранения у значительной части латышей памяти о периоде независимости и отсутствия обобщающих работ, выполненный в рамках социально-экономической парадигмы, советский режим в Латвии испытывал определенный дефицит легитимности, попытки преодоления которого были связаны, с одной стороны, написанием истории Латвии в советской редакции, и, с другой, в полемике с «буржуазными националистами».

В частности, комментируя особенности развития латышского языка и славянское влияние на него авторы первого тома «Истории Латвийской ССР» констатировали, что «эти данные помогают разоблачить лживую пропаганду местных буржуазных националистов, которые вопреки исторической правде всячески подчеркивали “западную ориентацию” местной культуры, старались скрыть от народа древние культурные связи и глубокие корни вековой дружбы между населением Руси и Восточной Прибалтики»³⁷. Исторические исследования различного уровня, как полагают американские исследователи Л. Хэйн и М. Сэкдэн, представляют собой важные звенья в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее³⁸. В условиях советской оккупации набор объ-

яснений как прошлого, так и интерпретации возможного будущего были крайне узкими и сводились, как правило, к подчиненной и второстепенной роли латышей как младших партнеров в «великой дружбе» советских народов. Идея «вековой дружбы» в совместной борьбе против немцев³⁹ в начале 1950-х годов активно использовалась латышскими интеллектуалами, игравшими национальными чувствами русских после победы в Великой Отечественной войне, для артикуляции своей лояльности Москве. Наличие подобных нарративов свидетельствует о значительной степени идеологизации исторических исследований в Латвийской ССР начала 1950-х годов, стремлении со стороны лояльного режиму интеллигенции отформатировать историческую память латышей, последовательно привязывая их к Советскому Союзу.

Своеобразной формой подобного «привязывания» стала критика «буржуазного национализма». Анализируя проект трехтомной «Истории Латвийской ССР», во внимание следует принимать и то, что нарративы, связанные с критикой «буржуазного национализма» играют особую роль во втором томе, авторы которого отказывали своим оппонентом в праве на отличные от советских идеологизированных схем интерпретации истории: «латышские буржуазные историки А. Швабе, Ф. Балодис, А. Тентелис, М. Скуениек идеализировали малодолатышское движение, выдавали его за общенародное движение, совершенно замалчивая его буржуазный характер. Они пытались выдавать историю латышской буржуазии за историю народа... буржуазные историки умалчивали о различных стадиях развития... фальсифицируя историю Латвии, буржуазные идеологи искажали вопрос об образовании нации... рассматривали образование нации изолированно, в отрыве от конкретной действительности... такой фальсификацией истории латышские буржуазные националисты пытались обосновать господство буржуазии, затушевать классовые противоречия, закабалить рабочих и развить национализм. Искажая исторические факты, буржуазные националисты отрицали вековую дружбу латышского народа с русским народом, игнорировали прогрессивное значение воссоединения территории Латвии в составе России»⁴⁰.

Арведс Швабе был излюбленным объектом нападок со стороны лояльных Москве историков периода оккупации. По мнению американских исследователей, исторические объяснения прошлого представляют собой далеко незаконченные проекты, которые требуют постоянной ревизии и реинтерпретации⁴¹. Этого нельзя сказать о склонности советских интеллектуалов в Латвийской ССР заниматься критикой «буржуазного национализма». В частности В. Мишке⁴² поста-

вил ему в вину то, что он «идеализировал» младолатышей, пытаясь скрыть их «классовую сущность»⁴³. Столь активная критика своих оппонентов со стороны советских интеллектуалов была вызвана значительным дефицитом легитимности. Вероятно, советские историки, в определенной степени понимая искусственность своих концепций, чувствовали себя не столь уверенно в вопросах формирования латышской нации, чем их «буржуазные» оппоненты. В подобной ситуации борьба против «буржуазного национализма» обретала особое значение, так как победа в ней давала победителям право монопольного написания истории Латвии и формирования правильной, на их взгляд, версии латышской идентичности.

Если русских в частности (и славян в целом) латышские интеллектуалы начала 1950-х годов были вынуждены вообразить наиболее позитивно, то в отношении немцев латышским историкам было позволено проявлять свои национальные чувства. Среди форматоров антинемецких нарративов советского периода был партийный функционер Арвидс Пельше, который в октябре 1941 года подчеркивал, что «у латышского народа есть свои старые счеты с немецкими захватчиками». Немцы определялись им как завоеватели, «колонизаторы-поработители»⁴⁴ и «псы-рыцари», которые захватили «маленький латышский народ»⁴⁵. А. Пельше обвинял немцев в разрушении сложившихся экономических отношений, превращении торговых путей в «кровавые звериные тропы немецких разбойников-захватчиков», которые «впрягли латышский народ в ярмо рабства»⁴⁶. В подобной ситуации культивировались нарративы о том, что «в течение многих веков в непрерывной жестокой борьбе с немецкими колонизаторами отстаивали латыши свое национальное существование»⁴⁷. Умеренный и ограниченный национализм латышских партийных функционеров очень быстро сменился культивированием и насаждением советской политической идеологии, которая почти не оставляла места для проявления национальной идентичности.

Латышские интеллектуалы во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов полагали, что немцы играли негативную роль в истории Латвии, подчеркивая, что «в истории латышской народности процесс образования своей государственности был насильственно прерван немецкой агрессией»⁴⁸. В синтезированном виде антинемецкие нарративы, например, представлены в работах Яниса Крастиньша, который культивировал образ немцев как главных врагов латышского народа. В вину немцам ставилось не только завоевание Латвии, но и то, что они «держали латышей в полном невежестве», «огнем и мечем покорили свободолюбивый латышский народ и превратили Латвию в фео-

дальнюю колонию Германии», «самыми зверскими методами насаждали феодализм»⁴⁹. Немцам, пренебрежительно называемым латышскими историками к началу 1970-х годов «толпами германских феодалов и крестоносцев»⁵⁰, приписывалось и то, что они «ненавидели латышский народ, смотрели на него свысока, как на людей низшей расы... латышей они не считали народом, имевшим свою историю и культуру... к латышскому языку немецкие бароны относились с презрением»⁵¹. Подобные нарративы в латышском интеллектуальном дискурсе⁵², вероятно, могли иметь двойственное происхождение: с одной стороны, они могли быть продолжением традиции антинемецкого национализма, а, с другой, естественным следствием роста антинемецких настроений, вызванных Великой Отечественной войной. Немцы позиционировались в качестве разрушительного фактора, который дал латышам «создать свою собственную литературу»⁵³.

Попытки немецких авторов развивать латышский язык не признавались, воспринимаясь крайне негативно: «издаваемая немцами литература по своему классовому содержанию была абсолютно чужда народу»⁵⁴. Написание истории, как полагает Дж. Фридмэн, является и результатом социальных позиций. Эти социальные позиции формируют условия существования идентичности, которая служит для проявления самости⁵⁵. В рамках латышской интеллектуальной традиции советского периода социальное оказалось тесно переплетено с национальным. Именно поэтому в латышском историческом воображении немцы позиционировались как группа, которая создала в Латвии «режим феодально-колониального угнетения и порабощения»⁵⁶, создав значительные ограничения для латышей: «в конце XIV века латышам было запрещено заниматься розничной торговлей и скупкой товаров для перепродажи, латыши не имели право торговать в компании с немцами... латыши не принимались в число мастеров... латыши были полностью отстранены от торговли»⁵⁷. В вину немцам лояльными Москве латышскими историками ставили и то, что они стремились разрушить... дружбу латышей с русскими: «не допуская латышей к образованию и задерживая их культурное развитие, немецкие крепостники скрывали от народа его исторические связи с русским народом и славную историю их совместной борьбы против немецких завоевателей»⁵⁸. Наличие подобных нарративов указывает на значительную идеологизацию текста, превращение исторических исследований в механизм культивирования лояльности и недопущения проявлений несогласия.

Культивирование «немецких» нарративов играло особую роль в функционировании советской версии латышской идентичности. В

первой половине 1970-х годов латышские интеллектуалы инициировали издание специализированного сборника статей, посвященного немецкому фактору в истории Латвии. Усилиями латышских историков культивировался непривлекательный образ немцев как разрушительной силы. Термин «остзейцы» стал синонимом реакционности и архаичности в латышской национальной идентичности в период советской оккупации. В классической советской историографии прибалтийских республик немцы предстают как исключительно угнетатели и эксплуататоры латышского крестьянства, но и «злейшие враги латышского народа». Немецкий фактор позиционировался как дворянско-буржуазный и, поэтому, реакционный. Немцам приписывалось стремление к онемечиванию латышей, немецкая историография воспринималась как антилатышская, а сами балтийские немцы как германская агентура в агрессивных планах Германии, направленных на захват Прибалтики⁵⁹. Таким образом, в Латвии периода советской оккупации антинемецкий национализм в значительной степени сохранил свои позиции, трансформировавшись в преимущественно социально-экономическую и идеологически выверенную доктрину. Иными словами латышские интеллектуалы не имели возможности критиковать немцев как именно немцев, будучи вынужденными акцентировать внимание на их социально-экономической неправильности.

Наряду с доминированием официальных нарративов в тексте первого тома «Истории Латвийской ССР» заметны и национальные мотивы. Сфера проявления национального чувства в условиях последовательной идеологизации интеллектуального пространства оставалась крайне узкой. Будучи постигнутыми в жесткие идеологические рамки, латышские историки в первой половине 1950-х годов писали не о национальном своеобразии древних латышских племен в целом, но о некоторых элементах народной культуры⁶⁰, руководствуясь при этом советскими клише о разделении культуры на прогрессивную и реакционную. Спустя несколько лет К. Страздиньш делал робкие попытки пересмотра столь одиозных идеологизированных версий описания истории, подчеркивая, что в прошлом у балтов были элементы национального сознания, по причине чего «латышские племена представляли в известной мере единое этническое образование», а «интересы латышского народа требовали объединения его территории в единое целое»⁶¹. Особое внимание латышскими интеллектуалами акцентировалось на верности латышей своей культуре и языку: «бароны не добились заметных успехов в онемечивании латышей. Латышский народ продолжал говорить на своем языке, продолжал разивать свою национальную культуру»⁶² и неспособности немцев их ассимилиро-

вать («после порабощения латышей немецкие захватчики не внесли ничего нового в культуру Латвии»⁶³). В начале 1970-х годов латышские историки подчеркивали, что «немецкие феодалы не оказали на культуру латышских крестьян сколько-нибудь заметного влияния»⁶⁴.

Наличие подобных настроений, вероятно, свидетельствует о том, что интеллектуальное сообщество в Латвийской ССР было подвержено фрагментации и наряду с лояльными и промосковски ориентированными авторами существовало и национальное течение. Вместе с тем латышские интеллектуалы испытывали немалые трудности, связанные с проявлением лояльности, так и с попытками соединить идею о существовании латышской нации в прошлом с советской теорией, основанной на восприятии нации как относительно нового исторического явления. Анализируя средневековую историю Латвии, советские историки были вынуждены интегрировать национальное в социально-экономический контекст. В рамках подобного восприятия становление латышской общности в большей степени было частью экономической истории: «в борьбе против общего классового врага складывалась латышская народность, развивался общенародный латышский язык»⁶⁵. Кроме этого латышскими авторами подчеркивалось и то, что латыши сознательно не заимствовали из немецкой культуры – «враждебной латышам культуры немецких феодалов и бюргеров»⁶⁶. История – конструкция «в значительной степени мифическая в том смысле, что она являет собой представление о прошлом связанное с утверждением идентичности в настоящем»⁶⁷. С другой стороны, латышские интеллектуалы лишённые в советский период возможности активно проявлять свою идентичность, ограниченно придавались историческому воображению, что относилось и к проблемам появления латышской нации. Формирование нации латышские интеллектуалы в советский период связывали с событиями середины XIX века, когда, по их мнению, сложились «необходимые элементы и предпосылки для образования нации»⁶⁸.

Наиболее острой проблемой в латышском историческом воображении 1950 – 1960-х годов были проблемы, связанные с младолатышским движением. Советские латышские историки относились к нему крайне отрицательно как к буржуазному, но, с другой стороны, было невозможно игнорировать его роль в развитии латышского языка и культуры. Поэтому, анализируя проблемы, связанные с младолатышами, интеллектуалы в Латвийской ССР оказались в двойственном положении: сохраняя свою латышскую идентичность, они были вынуждены проявлять лояльность существующему режиму. В подобной ситуации изучение национального движения была подвергнуто значи-

тельной идеологизации. В вину младолатышам лояльные историки в Латвийской ССР ставили то, что они «отражали интересы буржуазии» и «не ставили перед собой задачу революционным путем устранить господство баронов и немецкой городской буржуазии»⁶⁹. Доминирование подобных оценок свидетельствует о том, что советский режим к середине 1950-х годов добился значительных успехов в деле советизации Латвии, сформировав такое интеллектуальное сообщество, которое в большей степени было советским и верным Москве, чем лояльным латышской национальной идентичности.

К началу 1960-х годов ситуация в рамках интеллектуального сообщества Советской Латвии в некоторой степени изменилась: часть историков предприняла попытку возвращения национальной или национализированной версии написания истории, что привело к ответной реакции со стороны ортодоксальных коммунистов. В начале 1960-х годов один из представителей идеологически выверенной историографии Я. Крастиньш настаивал на том, что попытки пересмотра истории представляют собой восстановление «буржуазного национализма»⁷⁰. В подобной ситуации, консолидируя исследовательское сообщество, власти инициировали издание показательного сборника «Против идеализации младолатышского движения», направленного как против «националистических» искажений истории, так и преследующего цель консолидации сообщества на принципах лояльности и партийности.

Усилиями лояльных историков культивировался идеологически выверенный нарратив о том, что младолатышское движение было в первую очередь буржуазным и лишь во вторую – национальным. К. Страздиньш, комментируя особенности младолатышского движения, подчеркивал, что его идеологи и теоретики занимали узкоклассовые позиции и никогда «не обращались к народным массам с призывом подниматься на борьбу за свержение существующих порядков». Более того, К. Страздиньш, признавая значительную роль младолатышей в развитии национальной культуры, категорично декларировал, что «было бы напрасно искать революционно-демократические идеи» в младолатышском движении. Культивируя идеологически выверенное восприятие истории младолатышского движения, К. Страздиньш подчеркивал, что «идеология младолатышей никоим образом не могут быть отнесены к подлинным демократам»⁷¹. В вину лидерам движения ставилось и то, что они не ставили перед собой «революционных задач»⁷². При этом тот же Я. Крастыньш во второй половине 1940-х годов писал о младолатышском движении иначе, определяя его как «народное и прогрессивное»⁷³. В значительной степени аналогичные на-

строения были характерны и для А. Салминьша, полагавшего, что младолатышское движение «было ограниченным, буржуазным национальным движением, далеким от революционной борьбы и не ставившим задачи осуществить революционные преобразования»⁷⁴.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Исторические исследования стали важным подспорьем для развития национальной идентичности и широко использовались в национальном движении в советский период. В таком контексте, капитальные (обобщающие) труды по латышской истории стали большими национальными проектами. В их рамках история писалась в соответствии с определенными принципами, которые латышскими историками соотносились с общесоветским идеологическим канонам. Поэтому, в латышской истории, создаваемой латышскими интеллектуалами, формировался особый комплекс нарративов, которые отражали не только проявления национальной идентичности, но и политическую лояльность существующему режиму. Исторические исследования в такой ситуации развивались как своеобразное интеллектуальное продолжение латышского национального движения. История поддерживала и питала идею создания латышской нации и в меньшей степени – государственности.

Исторические исследования историзировали и в какой-то мере легализовали движение за латышскую нацию, но сама идея независимости воспринималась как антисоветская и буржуазная. Национальная идентичность в рамках исторических исследований латышских интеллектуалов строилась на противопоставлении истории латышской и истории соседей, латышского исторического опыта и наследия с аналогичными феноменами соседних народов. В такой ситуации образ соседей нередко мог развиваться как негативный. Этому способствовало то, что история демонстрировала негативные примеры отношений между латышами и соседями, в первую очередь немцами, которые позиционировались как сила, недопустившая создание развитой латышской государственности.

Проанализированные нарративы развивались в условиях существования Латвии в составе Советского Союза. Само включение Латвии в СССР не было добровольным, став принудительным лишением независимости с последующей советизацией. В подобной ситуации латышский контекст интегрировался в общесоветский. Латышские интеллектуалы были вынуждены проявлять лояльность советской модели государственности, которая достаточно быстро была осознана и воспринята латышскими авторами как чуждая и призванная сдерживать их стремления к воссозданию собственной независимой государ-

ственности. В подобной ситуации советская идентичность стала казаться им архаической, так как латышский национальный и исторический проект явно не вписывался в предлагаемые и идеологически выверенные границы. Таким образом, модерновость нации и историческая память о независимом европейском прошлом вступила в неизбежный конфликт с советской моделью политической лояльности.

¹ Биллиг М. Повседневное напоминание о Родине / М. Биллиг // *Логос*. – 2007. – № 1. – С. 34 – 71.

² Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі / Р. Лінднер // *Беларусіка / Albaruthenica*. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 114.

³ Friedman J. *History, Political Identity and Myth* / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1. – P. 52.

⁴ Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 236, 260.

⁵ Thompson D. *Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers* / D. Thompson // *Encounter*. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.

⁶ *История Латвийской ССР / под ред. К.Я. Сраздина, Я.Я. Зутиса, Я.П. Крастыня, А.А. Дризула*. – Рига, 1952. – Т. 1. С древнейших времен до 1860 года. – С. 44 – 47. См. также: *Latvijas PSR vēsture*. – Rīga, 1953, 1955, 1959. – Sēj. 1 – 3.

⁷ Крастынь Я. *Борьба латышского народа против немецких захватчиков и поработителей* / Я. Крастынь. – Рига, 1946. – С. 8.

⁸ *История Латвийской ССР. Краткий курс / под ред. А.А. Дризула*. – Рига, 1971. – С. 31.

⁹ *История Латвийской ССР*. – Т. 1. – С. 74.

¹⁰ Friedman J. *History, Political Identity and Myth* / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1. – P. 41.

¹¹ Крастынь Я. *Борьба латышского народа...* – С. 4.

¹² В контексте развития роли «русских» нарративов в период оккупации показательны официальные, в значительной степени идеологизированные публикации. См.: Савченко В. *Исторические связи латышского и русского народов* / В. Савченко. – Рига, 1959.

¹³ Thompson D. *Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers* / D. Thompson // *Encounter*. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.

¹⁴ *История Латвийской ССР. Краткий курс*. – С. 42.

¹⁵ Смит Э.Д. *Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 253.

¹⁶ *История Латвийской ССР*. – Т. 1. – С. 47 – 50.

¹⁷ *История Латвийской ССР*. – Т. 1. – С. 58.

¹⁸ Friedman J. *History, Political Identity and Myth* / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1. – P. 41.

¹⁹ *История Латвийской ССР. Краткий курс*. – С. 57.

²⁰ Friedman J. *Myth, History, and Political Identity* / J. Friedman // *Cultural Anthropology*. – 1992. – Vol. VII. – P. 195.

²¹ *История Латвийской ССР. Краткий курс*. – С. 101.

²² Страздинь К. *Формирование латышской социалистической нации / К. Страздинь // Формирование социалистических наций в СССР*. – М., 1962. – С. 453.

²³ *История Латвийской ССР. Краткий курс*. – С. 121 – 122.

²⁴ Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі / Р. Лінднер // *Беларусіка / Albaruthenica*. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 118.

- ²⁵ История Латвийской ССР / под ред. К.Я. Страздиня, Я.Я. Зутиса, Я.П. Крастыня, А.А. Дризула. – Рига, 1954. – Т. 2. С 1861 г. по март 1917 г. – С. 219.
- ²⁶ История Латвийской ССР. – Т. 2. – С. 221.
- ²⁷ История Латвийской ССР. – Т. 1. – С. 172.
- ²⁸ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology.* – 2001. – No 1. – P. 41.
- ²⁹ История Латвийской ССР. – Т. 2. – С. 201.
- ³⁰ История Латвийской ССР. – Т. 2. – С. 206.
- ³¹ История Латвийской ССР. – Т. 2. – С. 261.
- ³² В теоретическом плане о подобной роли истории см.: *Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich* / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Göttingen, 1999.
- ³³ В критике «буржуазных националистов» одну из ведущих ролей играл А. Дризулис. См.: *Drīzulis A. Kā buržuaziskie nacionalisti viltoja Ledus kaujas nozīmi Latvijas vēsturē* / A. Drīzulis // *Buržuaziskie nacionalisti – Latvijas vēstures viltotāji.* – Rīga, 1952. – 41. – 50.lpp.
- ³⁴ Šnore E. Pret buržuaziskām koncepcijām Latvijas archeoloģija / E. Šnore // *Buržuaziskie nacionalisti – Latvijas vēstures viltotāji.* – Rīga, 1952. – 31. – 39.lpp.
- ³⁵ Strazdiņš K. Par latviešu buržuaziskās nācijas izveidošanos / K. Strazdiņš // *Buržuaziskie nacionalisti – Latvijas vēstures viltotāji.* – Rīga, 1952. – 65. – 80.lpp.
- ³⁶ История Латвийской ССР. – Т. 2. – С. 91.
- ³⁷ История Латвийской ССР. – Т. 1. – С. 61.
- ³⁸ Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.
- ³⁹ Негативные образы немцев сочетались с попытками создать аттрактивный образ русских в работах Яниса Зутиса. См.: *Zutis J. Krievijas un Baltijas tautu cīņa pret vācu agresiju* / J. Zutis. – Rīga, 1948; *Zutis J. Livonijas karš (1558. – 1582.)* / J. Zutis. – Rīga, 1949.
- ⁴⁰ История Латвийской ССР. – Т. 2. – С. 109.
- ⁴¹ Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.
- ⁴² Владимирс Мишке (1895 – 1972) принадлежал к числу форматоров советского дискурса в Латвии, который начал свою политическую деятельность в СССР, показав себя в качестве одного из наиболее ортодоксально ориентированных коммунистов и критиков социал-демократии (подробнее см.: *Miške V. Buržuāziskās Latvijas pirmā sociāldemokrātiskā valdība* / V. Miške. – Maskava, 1928), а также сторонников советизации Латвии. См. воспоминания В. Мишке, частично опубликованные в 1970-е годы, текст которых в значительной степени отражает его политические взгляды: *Мишке В. Страницы воспоминаний о IX съезде Коммунистической партии (большевиков) Латвии* / В. Мишке // *Мы наш, мы новый мир построим. Социалистическая революция и социалистическое строительство в Латвии в 1940 – 1941 годах. Сборник воспоминаний* / сост. П. Баугис, отв. ред. М. Бирон, пер. с латыш. А. Гусевой. – Рига, 1975. – С. 186 – 192.
- ⁴³ Подробнее о концепции В. Мишке см.: *Мишке В. Кто такие латышские буржуазные националисты* / В. Мишке. – Рига, 1956. – С. 9.
- ⁴⁴ Пельше А.Я. Изгнание врагов из Советской Латвии / А.Я. Пельше // *Агитатор.* – 1944. – № 13.
- ⁴⁵ Пельше А.Я. Латышский народ в борьбе против германских захватчиков / А.Я. Пельше // *Правда.* – 1941. – 17 октября.

-
- ⁴⁶ Пельше А.Я. Советская Латвия под ярмом немецких захватчиков / А.Я. Пельше // Красный флот. – 1942. – 1 августа.
- ⁴⁷ Пельше А.Я. Буржуазные националисты – злейшие враги латышского народа / А.Я. Пельше // Пельше А.Я. Избранные речи и статьи / А.Я. Пельше. – М., 1978. – С. 59.
- ⁴⁸ История Латвийской ССР. – Т. 1. – С. 79.
- ⁴⁹ Крастынь Я. Борьба латышского народа... – С. 24.
- ⁵⁰ История Латвийской ССР. Краткий курс. – С. 33.
- ⁵¹ История Латвийской ССР. – Т. 2. – С. 96.
- ⁵² О дискурсе как категории в изучении национализма см.: Иванов Е. Различая национализм: проблемы метода как проблемы практики / Е. Иванов // Логос. – 2006. – № 2. – С. 73 – 83.
- ⁵³ История Латвийской ССР. – Т. 1. – С. 226.
- ⁵⁴ История Латвийской ССР. – Т. 2. – С. 92.
- ⁵⁵ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 42.
- ⁵⁶ История Латвийской ССР. – Т. 1. – С. 80.
- ⁵⁷ История Латвийской ССР. – Т. 1. – С. 129.
- ⁵⁸ История Латвийской ССР. – Т. 1. – С. 229.
- ⁵⁹ Духанов М. Остзейское дворянство и закон 9 июля 1863 года / М. Духанов // Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки. – 1973. – Т. 185. Германия и Прибалтика. – Вып. II. – С. 65 – 79; Духанов М. Остзейское дворянство и срыв судебной реформы в прибалтийских губерниях в 60-е гг. XIX века / М. Духанов // Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки. – 1973. – Т. 185. Германия и Прибалтика. – Вып. II. – С. 80 – 98; Зелмене И. На страже революционных интересов народа (борьба газеты «Диенас Лапа» против идеологии и пропаганды остзейцев в 1905 году) / И. Зелмене // Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки. – 1973. – Т. 185. Германия и Прибалтика. – Вып. II. – С. 22 – 34; Зелмене И. «Pēterburgas Latvietis» в идеологической борьбе с остзейским дворянством конце 1905 года / И. Зелмене // Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки. – 1974. – Т. 219. Германия и Прибалтика. – Вып. III. – С. 67 – 78; Крупников П.Я. Основные черты развития немецкой дворянско-буржуазной историографии революции 1905 года в Прибалтике (1907 – 1939) / П.Я. Крупников // Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки. – 1973. – Т. 185. Германия и Прибалтика. – Вып. II. – С. 3 – 21; Крупников П. Прибалтика в антироссийских прожектах пангерманских публицистов в конце прошлого века / П. Крупников // Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки. – 1974. – Т. 260. Германия и Прибалтика. – Вып. IV. – С. 96 – 101; Озолинь П., Крупников П. Остзейский вариант реакционного романтизма (о деятельности «Союза остзейских рыцарств» в ФРГ) / П. Озолинь, П. Крупников // Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки. – 1974. – Т. 219. Германия и Прибалтика. – Вып. III. – С. 3 – 16.
- ⁶⁰ История Латвийской ССР. – Т. 1. – С. 73.
- ⁶¹ Страздинь К. Формирование латышской социалистической нации. – С. 451.
- ⁶² История Латвийской ССР. – Т. 2. – С. 97.
- ⁶³ Крастынь Я. Борьба латышского народа... – С. 9.
- ⁶⁴ История Латвийской ССР. Краткий курс. – С. 173.
- ⁶⁵ История Латвийской ССР. – Т. 1. – С. 122.
- ⁶⁶ История Латвийской ССР. – Т. 1. – С. 219.
- ⁶⁷ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 43.
- ⁶⁸ История Латвийской ССР. – Т. 2. – С. 90.
- ⁶⁹ История Латвийской ССР. – Т. 2. – С. 107.

⁷⁰ Крастынь Я.П. К вопросу о младолатышском движении / Я.П. Крастынь // Против идеализации младолатышского движения. – Рига, 1960. – С. 102. См.: О характере младолатышского движения // Коммунист Советской Латвии. – 1960. – № 1.

⁷¹ Страздинь К.Я. О классовой сущности младолатышского движения / К.Я. Страздинь // Против идеализации младолатышского движения. – Рига, 1960. – С. 5 – 76. См. также: Страздинь К.Я. О младолатышском движении / К.Я. Страздинь // ВИ. – 1958. – № 10.

⁷² Крастынь Я.П. К вопросу о младолатышском движении / Я.П. Крастынь // Против идеализации младолатышского движения. – Рига, 1960. – С. 77 – 102. См. также: Крастынь Я. О характере младолатышского движения / Я. Крастынь // История СССР. – 1961. – № 1.

⁷³ Крастынь Я. Борьба латышского народа... – С. 68.

⁷⁴ Салминь А.Я. Социальные устремления идеологов младолатышского движения / А.Я. Салминь // Против идеализации младолатышского движения. – Рига, 1960. – С. 103 – 132.

АКТУАЛЬНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ (эрзянский национализм)

Среди модных либеральных заблуждений конца XX века была вера в скорое отмирание нации и всемирную победу в условиях постепенной и неизбежной глобализации неких универсальных общечеловеческих ценностей. Западные теоретики либерализма ошиблись. Национализм снова вошел в повестку для мировых событий. Актуальность изучения национализма, его истории и различных идеологических выражений и проявлений, прошлого и настоящего национальных и националистических движений обладает значительной актуальностью.

Любой исследователь национализма, как правило, сталкивается с неизбежной проблемой источниковедческого свойства. Источниковая база для изучения национализма обширна и крайне разнообразна. В ее рамках условно можно выделить «традиционные источники», представленные документами политических партий и движений национальной / националистической направленности, мемуары, воспоминания, переписку.

Особую роль при изучении феномена национализма играет художественная литература – проза и поэзия. Значение художественных текстов для изучения национализма крайне сложно переоценить, особенно – националистических движений в тех режимах, которые принудительно «выставили» национальное за пределы политического, низведя его до уровня неких культурных, фольклорных, этнографических проявлений.

В последние годы в формировании источниковой базы для изучения национализма возрастающую роль играет всемирная сеть Интернет, различные сайты которой содержат как оцифрованные версии «классических», литературных, так и актуальных современных политических текстов, что в совокупности составляет актуальную источниковую базу для изучения различных национализмов.

Начиная с Третьего номера «Российского журнала исследований национализма», Редакция приступает к ознакомлению читателей и всех, кто занимается изучением национализма с актуальными текстами современных националистических движений.

В настоящем номере публикуются шесть текстов, которые могут стать источниками при изучении современного эрзянского национализма.

Редакция «Российского журнала исследований национализма», публикуя настоящие аутентичные тексты, преследует исключительно научные цели, стремясь стимулировать интерес к изучению национализмов и национальных / националистических движений на территории современной Российской Федерации. Все тексты взяты из открытых источников. Каждый публикуемый текст сопровождается ссылкой на источник первой, как правило – электронной, публикации.

Редакция «Российского
журнала исследований национализма»

ДОКТРИНА ЭРЗЯНСКОГО НАРОДА ЭРЗЯНЬ РАСЬКЕНТЬ ТЁКШМЕЛЕЗЭ*

Выжить / Ванстомс эрямонок
Сохранить имя – Эрзя / Ванстомс Эрзя леменек
Сохранить эрзянский язык / Ванстомс эрзянь келенек
Восстановить численность / Вельмевтемс ламоксчинек
Сохранить историю / Ванстомс раськенек ютазь эрямокинзэ
Сохранить культуру / Ванстомс культуранок
Сохранить веру / Ванстомс Инешкипазнэнь кемеманок
Сохранить обычаи и традиции / Ванстомс коенек-иланок
Восстановить право на свою землю / Ванстомс минек моданок

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОФИЦИАЛЬНОМ НАЗВАНИИ ЭРЗЯНСКОГО НАРОДА*

Мы, делегаты Конгресса, представляющего всех эрзян-граждан Российской Федерации (РФ),
-основываясь на истории народа, существующего много тысячелетий,
-чтя память и следуя традициям предков,
-ощущая этническое, языковое, духовное и культурное единство,
-с удовлетворением отмечая наличие стойкого эрзянского самосознания,
-осознавая ответственность за создание благоприятных условий для выживания и развития будущих поколений,
-исходя из норм международного права и Конституции РФ, гарантирующих права человека и народов,
-выражая уважение к истории, традициям, культуре, языкам и национальному достоинству других народов,
-желая находиться в мировом сообществе народов под своим историческим именем,
-стремясь быть признанным самостоятельным полноценным народом,

* Источник публикации: Доктрина эрзянского народа. – (<http://www.erzan.ru/news/doktrina-erzjanskogo-naroda-erzjan-raskent-tekshmelezje>)

* Декларация об официальном названии эрзянского народа. – (<http://www.erzan.ru/news/deklaracija-ob-oficialnom-nazvanii-erzjanskogo-naroda-0>)

-надеясь на понимание, добрую волю, сотрудничество народов, правительств и иных органов власти,
-выражая чаяния всего народа,
заявляем о его воле официально называться собственным историческим именем «Эрзянский Народ» и подтверждаем все принадлежащие ему неотъемлемые права.
С пожеланиями Согласия, Мира и Прогресса всем народам

Конгресс Эрзянского народа.
Республика Мордовия,
г. Саранск
23 марта, 1995 года

«ЭРЗЯНСКИЙ ЯЗЫК В ОПАСНОСТИ»
Воззвание ко всем людям и народам мира в
защиту эрзянского языка^{*}

Конгресс эрзянского народа, собравшийся в самый критический этап его тысячелетней истории, с глубочайшей душевной горечью и сердечной болью вынужден констатировать и проинформировать мировое и финно-угорское сообщество, что нашему любимому, живому, звучному, песенному и литературному, древнему и современному ЭРЗЯНСКОМУ ЯЗЫКУ, языку наших предков, наших отцов и матерей, языку наших детей и внуков грозит полное уничтожение в течение буквально ближайших нескольких лет.

Угроза полного уничтожения эрзянского языка в самом недалеком будущем стала настолько реальной и осязаемой, что требует немедленной, активной реакции и позиции всех неравнодушных людей независимо от возраста, профессии, образования и места проживания.

Жизнеспособность эрзянского языка в настоящее время выглядит следующим образом.

Старшее поколение, от 55-ти лет и старше – в большинстве говорит и общается на родном эрзянском языке, а с детьми и с внуками разговаривает на русском.

^{*} Источник публикации: «Эрзянский язык в опасности!». Воззвание ко всем людям и народам мира в защиту эрзянского языка. – (<http://www.erzan.ru/news/vozzvanie-ko-vsem-ljudjam-i-narodam-mira-v-zashhitu-erzjanskogo-jazyka>)

Среднее поколение, от 30 - 55 лет в большинстве понимает родной эрзянский, но общается и воспитывает своих детей только на русском.

Молодое поколение, 15-30 лет, в большинстве своём уже не понимает родного эрзянского и общается только на русском.

Младшее поколение, до 15 лет, не знает и не понимает эрзянского языка и, естественно, общается только на русском.

Даже в местах компактного проживания у эрзянского народа нет детских садов, начальных и средних школ с обучением на эрзянском языке. Нет эрзянского радио и телевидения. Эрзянский язык не используется в работе клубов и домов культуры. Эрзянскому языку нет доступа в сферы образования и культуры, местного самоуправления и хозяйственной деятельности, он не используется для обозначения наименований наших населенных пунктов и улиц, на нем не пишутся вывески учреждений и предприятий, он не используется в сфере торговли в магазинах, киосках, торговых палатках. Наши дети изучают всё, кроме родного эрзянского языка. Социальная сфера применения эрзянского языка в динамичной современной жизни сужена до рамок кухни и двора эрзянской семьи. Государство полностью отвернулось и самоустранилось от своей конституционной обязанности – обеспечить право человека получать образование и информацию на родном языке, обеспечить равные права народов РФ в реализации национальных потребностей.

Простой арифметический расчет, который может произвести каждый человек, покажет, что уже через ближайшие 15 лет разговорным эрзянским наш народ владеть перестанет.

Попытку обратить внимание общественности и власти на опасность исчезновения эрзянского языка и эрзянского народа сделал 2-й Конгресс эрзянского народа в 2006 году. Однако власть полностью проигнорировала сам Конгресс, сначала попытавшись не допустить его, а затем ограничившись направлением на него председателя комитета по национальной политике Республики Мордовия и не обратив никакого внимания на серьезнейшие проблемы Эрзя народа, отраженные в резолюции 2-го Конгресса.

В этой тяжелейшей ситуации, в которой оказался эрзянский народ, вместо того, чтобы сосредоточить имеющиеся немногочисленные интеллектуальные силы, выделить хоть какие-нибудь финансовые средства на спасение от исчезновения эрзянского языка, власти регионов компактного проживания эрзянского народа увлеклись финансовоёмкими, но абсолютно нерезультативными для сохранения эрзян-

ского языка фестивалями и пышными праздниками вместо возвращения языка в детские сады и школы.

Но дальше всех в деле отлучения эрзянского народа от своего родного языка сейчас идут власти Республики Мордовия, которая была создана в далёком 1932 году как автономия эрзянского и мокшанского народов. Заняв позицию полной обструкции по отношению к эрзянскому народу и проблемам его выживания, мордовские власти решили полностью ликвидировать эрзянский народ, лишив его главного – эрзянского языка. Эрзянам предлагают отказаться от своего исторического имени ЭРЗЯ, заменив его неблагозвучным и чуждым эрзянскому народу псевдоэнонимом «мордва» и, самое главное, отказаться от родного эрзянского языка и принять для общения ЕМЯ-единый мордовский язык, который предполагают создать сразу для двух финно-угорских народов – эрзи и мокши. При этом полностью игнорируя позицию эрзянского народа, его общественных организаций и объединений и прикрываясь созданным и финансируемым только властью, так называемым «общественным движением за возрождение мордовского народа» и решениями его съездов, проводящихся по утвержденному властью сценарию. Решение о создании для эрзян ЕМЯ-единого мордовского языка идеологи политики «мордвинизации=русификации» эрзянского народа предполагается утвердить осенью 2009 года на съезде «мордовского» народа. Это решение, видимо, будет считаться последним гвоздём на крышке гроба эрзянского народа.

Мы просим всех неравнодушных людей мира встать на защиту эрзянского языка, не дать его уничтожить, сорвать человеконенавистнические, антигуманные, противозаконные действия «мордовских» реакционеров-экстремистов.

Мы считаем действия людей, пытающихся отлучить эрзянский народ от родного эрзянского языка путем замены его на ЕМЯ, противозаконными, требующими вмешательства правоохранительных органов.

Мы выступаем категорически против античеловеческих опытов над эрзянским языком и эрзянским народом и просим поддержать эрзянский народ в отстаивании своего права на свой язык.

Мы обращаемся к Президенту РФ, как гаранту Конституции РФ, прав человека и народов РФ, с призывом защитить эрзянский народ от всяких лингвистических опытов над нашим языком и принять меры по его спасению, сохранению и развитию.

Мы обращаемся ко всем людям РФ и зарубежья с просьбой поставить свою подпись под «Воззванием в защиту эрзянского языка».

Мы обращаемся к финно-уграм всех стран: - Поддержите эрзянский народ в его борьбе за спасение, сохранение и развитие эрзянского языка!

Мы обращаемся к мировой общественности, политикам, политическим партиям, общественным и правозащитным организациям, писательским и творческим организациям, бизнесменам, педагогам, интеллигенции, рабочим и крестьянам, верующим всех конфессий и атеистам: - Помогите эрзянам сохранить эрзянский язык!

В этом году на дереве финно-угорских народов высох ещё один языковой листик: умер последний носитель ливского языка. Это наше общее горе, наша общая беда. У нас, эрзян, есть ещё шанс сохранить зеленым и живым листик эрзянского языка. Мы хотим это сделать!

Помогите нам сохранить эрзянский язык! Мы хотим сохраниться в семье народов РФ и мира!

Нам не нужен искусственный и чуждый нам ЕМЯ-«единый мордовский язык». Мы против подмены им нашего эрзянского.

Да – эрзянскому языку!

Пусть живёт и звучит эрзянский язык в наших стихах и песнях, в нашем эпосе «Масторава», на нашем празднике «Раськень Озкс» в наших сёлах, в наших семьях, в наших домах!

Мы постараемся передать его нашим детям и внукам.

- И тогда будет жить ЭРЗЯ народ!

Инешкипаз! Тон теик эрзянь раськенть, тон максык тенек ЭРЗЯ лементь, эрзянь келенть!

Ванст эсеть вечкевик эйденть – эрзянь ломаненть, минек эрзянь раськенть, эрзянь келенть!

Минь, неень шкань эрзятне, лавтовсто лавтовс стятано Эрзя леменек кис, эрзянь келенек кис!

3-це Эрзянь Инекужо /
2009 ие, аштемков, 20 чи /
Луга Ян ош

3-й Конгресс эрзянского народа.
20 июня 2009 года
г. Лукоянов

ВОЗЗВАНИЕ К ЭРЗЯНСКОМУ НАРОДУ «Эрзянский язык в опасности!»*

Над нашим древним народом возникла катастрофическая опасность, эрзян пытаются лишить родного эрзянского языка.

Власти Мордовии потеряли свои национальные ориентиры и интересы, ими взят антиконституционный курс на лишение эрзян родного эрзянского языка путем создания и навязывания нам ЕМЯ – единого «мордовского» языка, который якобы можно создать из двух языков, мокшанского и эрзянского.

Поставлена зловещая по своей сущности цель: превратить эрзянский народ в послушный электорат без языка и памяти, без языковой связи прошлого, настоящего и будущего народа.

Образовалась пропасть между властью, приступившей к уничтожению эрзянского языка, и эрзянским народом, стремящимся сохранить свой язык культуру и национальный идентитет.

Мы не можем в этой ситуации оставаться равнодушными и решили напрямую обратиться ко всему эрзянскому народу!

Неужели мы, древнейший эрзянский народ, прошедший через тысячелетия позволим у нас отнять Душу народа – эрзянский язык?!!

Неужели мы стали иванами не помнящими своего родства и готовы отказаться от ЭРЗЯНСКОГО языка, от нашего исторического имени – ЭРЗЯ, Эрзянский народ?

Пришло время заявить, что есть ОНИ и МЫ и наши цели и задачи принципиально расходятся.

Эрзяне!

Наступил этап в истории нашего народа, когда отступать уже некуда и всем нам пора понять, что только эрзянский народ и никто другой, объединенный общей целью возрождения своего народа и стремлением отстаивать свои права, может положить конец этому безумию – отлучению народа от родного языка.

Да, мы рассеяны по всей России, но мы хотим достойно жить в этой стране, гордиться своим прошлым и говорить на родном эрзянском языке.

Мы объявляем бойкот всем мероприятиям мордовских властей направленным на ликвидацию эрзянского языка под прикрытием создания так называемого «ЕМЯ».

* Источник: Воззвание к эрзянскому народу «Эрзянский язык в опасности!». – <http://www.erzan.ru/news/vozzvanie-k-erzjanskomu-narodu-%C2%ABerzjanskij-jazyk-v-opasnosti%C2%BB>

Мы призываем присоединиться к этому бойкоту каждого эрзянина, где бы он ни жил.

Мы заявляем мордовским властям:

Руки прочь от Души эрзянского народа!

Нам не нужен искусственно создаваемый вами ЕМЯ – единый мордовский язык.

Пусть живет, здравствует и укрепляется наш родной и любимый ЭРЗЯНСКИЙ язык!

Эрзяне!

Мы должны защитить и сохранить свой язык!

Вставайте на защиту эрзянского языка от мордовских реакционеров!

3-й Конгресс эрзянского народа

г. Лукоянов

20 июня 2009 года.

ДОКЛАД

Председателя оргкомитета по проведению 3-о Инекужо
Терюшань Сергуь*

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЭРЗЯНСКОГО НАРОДА И ЗАДАЧИ ПО СОХРАНЕНИЮ ЧИСЛЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

Паро чи, эрзят, ялгат, инжень!

Сегодня мы с прискорбием сообщаем, что эрзянский народ превращен в изгоя в своей собственной республике, которая в начале 20 века была создана как форма эрзянской и мокшанской государственности. Дело дошло до того, что мы, эрзяне, вынуждены проводить свой эрзянский Конгресс за пределами республики Мордовия, которая пока еще остаётся формой государственности эрзянского народа.

* Источник: Доклад Председателя оргкомитета по проведению 3-о Инекужо Терюшань Сергуь. – (<http://www.erzan.ru/news/doklad-predsedatelja-orgkomiteta-po-provedeniju-3-go-inekuzho-terjushan-sergu>)

Нас не пугает и не останавливает то, что наш эрзянский Конгресс собрался не в столице республики Мордовии Саранск, а за её пределами на Лукояновской земле, нашей исторической Родине. Символично то, что междуречье Теши-Оки-Волги являлось историческим центром формирования эрзянской культуры, отсюда она распространялась по радиусу в разные направления. Согласно эрзянскому эпосу «Масторава» именно здесь Инешкипаз создал человека и назвал его «Эрзя» и было это время рождения эрзянского народа.

Мы собрались на земле Эрзянь Мастор в критический момент для эрзянского народа, совпавший с экономическим кризисом в России. Все мы являемся участниками исторического процесса, от которого будет зависеть демократическая основа нашего с вами государства.

Эрзяне, здесь присутствующие, почувствовали на себе реальную угрозу нарушения своих гражданских прав и свобод. Эрзянский народ рассеян по всей необъятной России, и это территориальная разобщенность является для нас определенной преградой в защите своих прав и культурного наследия. Но для собравшихся здесь расстояния оказались не помехой, мы приехали, чтобы защитить свои конституционные права.

Нарушителем конституционных прав и свобод эрзян, стал чиновничий аппарат республики Мордовия, который в 21 веке умудряется проводить курс национального, языкового и религиозного насилия над двумя народами в нарушении основных законов Конституции Российского государства.

Группа людей, представляющая властные структуры республики Мордовия, объявила свою национальность как «Мордва», самовольно объединив под этим названием два различных народа. В своих речах мордовские власти и ученые демонстрируют явное превосходство над эрзянским народом, они без какого либо стеснения заявляют: «Эрзя – субэтнос, эрзянский язык – диалект, являющийся «узкоколейкой» (А. Лузгин, в интервью «Комсомолке»).

В Послании Главы республики Мордовия Госсобранию было сказано о необходимости создания единого литературного языка. Распоряжением Главы Мордовии создана республиканская Комиссия по формированию единого «мордовского» литературного языка – ЕМЯ.

Политическая «элита» Мордовии проводит агитации в местах массового проживания эрзян и мокшан, внедряет в умы свою мордовскую теорию единства народа, утверждая, что эрзя есть субэтнос, который сможет стать народом, только будучи «мордвой».

При этом мнение непосредственно эрзянского народа мордовских властей совершенно не интересует.

Власть в республике Мордовия мордвинизирует молодое поколение эрзян, которое в силу исторической безграмотности и политического влияния властей в настоящее время полностью дезинформировано.

Отсутствие исторических знаний среди эрзянского населения России дает возможность манипулировать сознанием людей, делая заявления: «Мордва» - это эрзя, ссылаясь при этом на то, что об эрзе как о «мордве» писали Рубук и Карпини.

Заявляю, что все сообщения об этом, западноевропейских авторов 6-17 вв., приведенные Н.Мокшиным в книге «Мордва», а так же в работах других мордовских «ученых» не имеют ни какого отношения к эрзянскому народу.

Всем давно известно, что национальности «Мордвин», «Мордовка» эрзяне стесняются и по возможности стараются избавиться от оскорбительной для них клички и стать русскими, вследствие чего эрзяне за последние двадцать лет потеряли более 300 тысяч численности своего народа.

Эрзянский язык методично превращался и превращается в язык третьего сорта и как результат этого:

Старшее поколение, в большинстве говорит родном эрзянском языке, а с детьми и с внуками разговаривает на русском.

Среднее поколение, в большинстве понимает родной эрзянский, но общается и воспитывает своих детей только на русском.

Молодое поколение, в большинстве своём уже не понимает родного эрзянского и общается только на русском.

Младшее поколение, не знает и не понимает эрзянского языка и, естественно, общается только на русском.

Даже в местах проживания у эрзянского народа нет детских садов, начальных и средних школ с обучением на эрзянском языке. Нет эрзянского радио- и телевидения. Настоящей трагедией для эрзян стало закрытие малокомплектных школ в эрзянских селах.

Денежные средства, которые должны выделяться на развитие эрзянского языка, расходуются реально на кощунственное внедрение ЕМЯ-языка и выдуманную «мордовскую» культуру, с помощью которой вводят эрзян в летаргический сон.

Не могу обойти стороной и проведение V-го съезда «Мордовского» народа, который состоится осенью 2009 года, напрямую затрагивающего интересы эрзянского народа.

В решении расширенного заседания Межрегионального Совета общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (протокол №6 от 18 сентября 2008г.) установлена следующая норма представительства: один делегат от 3 тыс. человек мордовской национальности как в Республике Мордовия, так и в субъектах Российской Федерации с компактным проживанием мордвы». В этих строках находится прямое нарушение ст. 26 ч. 1 Конституции РФ: «Никто не может быть принужден к определению и указанию своей НАЦИОНАЛЬНОСТИ».

При этом нарушаются права 282 делегатов, которых назвали и заставили быть «мордвой».

Легитимен ли будет такой «мордовский» съезд представлять ЭРЗЯНСКИЙ народ? Может ли «мордовский» съезд принимать решения, касающиеся настоящего и будущего ЭРЗЯ народа, особенно, его Души – эрзянского языка?

Молчание, пассивность в отношении защиты своих прав повлекут за собой в будущем отсутствие самих прав.

Настало время, когда общество и, как часть его, наш ЭРЗЯ-народ, должны переосмыслить ход истории, узнать культуру и прошлое предков, сопоставить детали и факты, сделать единственно верный выбор и защитить свою культуру и этнос. Пора познать героическое прошлое своих предков, их настоящий нелегкий жизненный путь.

Мы не имеем никакого морального права предавать героизм наших предков. Предать их равносильно предать своих отца и мать, за этим последует неминуемое наказание, и отнюдь не от великого творца Инешкипаза, а от наших же детей – они отплатят нам той же монетой.

Именно поэтому необходимо обозначить первоочередные национальные интересы, а именно:

- Восстановление исторического самоназвания – ЭРЗЯ
- Изучение, исследования и систематизация истории Эрзянь Раське
- Достойное воспитание детей на эрзянском языке с национальным эрзянским самосознанием
- Открытие эрзянских школ
- Открытие эрзянских Университетов
- Открытие театров, литературных обществ
- Организация эрзянских СМИ: газеты, телевидение, радио, журналы
- Изучение национальной эрзянской веры

На III-ем эрзянском Конгрессе нам предстоит выработать ряд безотлагательных мер по защите эрзянской национальной культуры и гражданских прав эрзянского народа:

Защитить наш родной эрзянский язык, не дать его уничтожить, сорвать противозаконные действия «мордовских» властей, обратиться в прокуратуру РФ и ко всему мировому сообществу.

Выразить протест в отношении предстоящего 5-го съезда «мордовского» народа», грубо нарушающего Конституционные права эрзян. Объявить на съезде «мордвинизаторам» что в силу нарушения процедуры выборов делегатов данный съезд не имеет никаких полномочных прав выражать интересы эрзянского народа.

Добиться от правительства Мордовии соблюдение Конституции РФ, а именно:

ст.26, которая дает право указывать национальность "эрзя", а так же пользоваться родным языком;

ст. 29, которой запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

В связи с этим:

- немедленно прекратить называть эрзян субэтносом;
- прекратить называть эрзянский язык диалектом (наречием) несуществующего мордовского языка,
- запретить использовать данные формулировки в научных работах и при преподавании во всех учебных заведениях;
- немедленно прекратить пропаганду превосходства мордовского несуществующего ЕМЯ языка над эрзянским национальным языком.

Эрзяне, проблема развития эрзянского народа и культуры решается, если мы нашими объединенными усилиями защитим основу, душу любой культуры, любого этноса – язык.

И этот вопрос нужно решать сегодня, здесь и без промедлений.

Научное издание

Российский журнал исследований национализма

2013, № 1

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 23.05.2013 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02
